

Мой город 4

История их жизни

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Д. Г. Боррони

Мой город

Дмитрий Боррони

Мой город 4: история их жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Боррони Д. Г.

Мой город 4: история их жизни / Д. Г. Боррони — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Мой город)

ISBN 978-5-532-08489-6

-Эта книга рассказывает, что стало с героинями истории, Мой город 3, Леной, и её подругой. Чем закончилась трагическая история двух подруг. Эта книга рассказывает о том, что произошло на самом деле с ними. Если Вы хотите узнать окончание этой истории, читайте книгу Мой город 4: история их жизни. На обложке фото автора книги, сделанное в Раменском парке. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-08489-6

© Боррони Д. Г., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Часть I

Глава 1 Происшествие

Статья корреспондента журнала «МОЛОДЕЖЬ ПРОТИВ»

...«Их нельзя обвинить в том, что они добровольно стали употреблять наркотик. Это произошло из-за доктора Льва Давидовича Зенькова. Работавшего в той же самой больнице, врачом-урологом. Он ненамеренно дал Жанне наркотический препарат «...», который еще не прошел должной проверки. Этот препарат относится к «АПИОИДНАМ» – наркотическим средствам. Доктор Зеньков это знал, и все-таки он дал препарат Жанне Дмитриевне Бредягиной. Очевидно, он соучастник мафиозной структуры, занимающиеся распространением наркотических средств в массы».

Читая эту статью, Глав редактор журнала «МОЛОДЕЖЬ ПРОТИВ». Вадим Николаевич Раппопорт, не знал, что и делать? Ему было жалко этих девочек, и статья как она надеялся, должна была быть лишь о них. О них и ни о ком больше. Но здесь еще замешана медицина. И не просто замешана, ее в этой статье обвиняют в том, что доктора целенаправленно избавляются от людей. Сажая их на опиоиды.

Прочтя статью, отложил лист А4; на котором была написана эта статья в два листа, спросил:

– Скажите Вероника Васильевна, откуда у Вас такие сведения о докторе Зенькове?

– Мне рассказал об этом Лена. – сообщила Вероника Васильевна, своему начальнику. –

Она также рассказала об этом представителем власти.

– И что они?

– Они арестовали доктора Зенькова.

– Это точно?

– Позвоните в девятое отделение милиции, они подтвердят.

– Хорошо. – облегченно вздохнул Вадим Николаевич, и взяв статью, написал на ней свою резолюцию, и пообещал. – Ваша статья будет опубликовано в сентябрьском номере. – затем он сказал. – Как раз к учебному году.

– Хорошо. – облегченно ответила Вероника Васильевна. – Буду ждать.

Вероника Васильевна вышла из кабинета глав редактора, и направилась на свое рабочее место. Она была довольна всем. И тем, что взяла интервью, и тем, что Вадим Николаевич Раппопорт одобрил ее детище. Скоро это интервью будет опубликована. Все узнают об этой страшной истории. Истории, которая могла произойти в любом городе мира. В любой стране земного шара. Наркотика – это бич общество, и почти каждый на этой планете хотя бы раз нюхнул Кокаин или укололся. Каждый человек хочет по-настоящему расслабиться, и только он – наркотик, дает им этот шанс. Некоторые фригидны к нему, а некоторые садятся на иглу. Садятся, и не могут с нее слезть. Они рады бы, да ломка сильна, и чтобы ее прекратить, лишь один способ остается для них – уколиться. Страшно, не правда ли?

Но вернемся к Веронике Васильевны. Где она? А вот и она, выходит из издательства, спускается по ступенькам, идет к машине. Рабочий день для нее завершился. Теперь отдых.

Она села в свою машину, синий ПОРШ. Сняла ручника, и повернув ключ зажигания, надавила на педаль газа, и машина понеслась по дорогам Москвы. Сегодня рабочий день закончен. Можно и отдохнуть. Впрочем, какой тут отдых? Когда работать надо. Борин Николаевич позаботился об этом. Он попросту рассказал народу сказку о лучшей жизни, те поверили, а остались с фигой. Инфляция – бич общества и всей экономики в целом. Пирамида «МММ», ваучеризация. Людям лапшу на уши повесили, а те и рады. Рады что КПСС скинуло в прошлое, а как жить дальше? Никто не подумал. Нам вместо денег поставили кресла перед нашими телевизорами, и стали крутить сериалы, показывая, как за границей живиться. Умные улетели за границу, а дураки, и их большинство, остались. Остались веря байкам Бориса Николаевича о лучшей жизни. Что ж, вот она – лучшая жизнь, дождались. Теперь лишь преступность процветает, понаехали иноземцы, Россию купили, а мы – русские люди, стали у них рабами. Один известный политик сказала: – Русская диаспора умирает. Нужно ее обновить. Обновить немцами, американцами, африканцами, азиатами, и прочие. – Этот политик уже давно умер, но идея ее воплотилась в жизнь. Русские люди вымирают, остаются только иноземцы. Сколько в истории России есть примеров борьбы русских с иноземцами. А сейчас? Я помню одну рекламу. Пьют русские пиво, и им противно. А стоит подойти змей Горынычу, и предложить им свое пойло, то все в порядке, он друг. Можно и иностранное пойло выпить, лишь бы тот третьим оказался. Враг, не враг, все равно. Лишь бы по пьянствовать, а там и за сто грамм и Россию продам. К счастью, эту рекламу пиво сняли, но память о ней будет прибывать в нашем сознание вечно. Вот такая Россия, вот такая страна. Кто ее поймет, тот откроет русскую душу, и наконец поймет, почему на Руси так жить хорошо? И кому в ней жить лучше?

Но оставим эти размышления, и вернемся к Веронике Васильевне. Ее машина остановилась у каково-то кафе, коих в те времена начало девяностых годов двадцатого века, было в излишестве. Она купила какой-то пирожок, и взяла чашку чая. Сев за столик она принялась трапезничать, как вдруг, к ней подсел какой-то мужчина кавказкой национальности, и спросив, у Вероники Васильевне, что такая красивая девушка одна? Получив ответ, что она зашла сюда лишь перекусить, услышала от мужчины вопрос, который опешил ее.

– Вы сегодня были в больнице у этой наркоманки? Вы взяли у нее интервью, хотите его опубликовать?

Ошарашенная этим вопросом, она отложила пирожок в сторону, и поставив чай на стол, спросила:

– А в чем собственно дело?

Мужчина сказал:

– Я бы не стал публиковать эту статью. В ней нет ни капли правды.

Женщина иронически усмехнулась:

– Не капли правды? – сказала она. – А две девочки, которые сели на иглу из-за врачей, это тоже неправда по-Вашему, и клуб, и Андрей. – она сделав паузу, добавила. – Все это реально.

– Что ж. – согласился мужчина. – Я не отрицаю, что эти две девочки наркоманки. Но где они брали наркотики, вопрос?

– Вы утверждаете, что они лгут?

– Да что спросишь с наркоманов та? У них реальность – это игла.

– А кто их посадил на иглу?

– Сами сели. – отпарил злобно мужчина. Он вытащил из кармана куртки конверт, и протянув его женщине, сказал. – Это помощь Вашей редакции, но статья не выйдет.

Женщина встала из-за стола, и неистово выкрикнула.

– Подавитесь Вы и Вам подобные этими деньгами. Статья выйдет. В ней будет правда с реальными именами, а кому не нравится, пусть напишут опровержение если посмеют.

Мужчина убрал конверт в карман куртки конверт с деньками, и сказал:

– Значит нет?

– Значит нет.

– Хорошо. – недовольно пробурчал мужчина, а затем пригрозил. – Не пожалейте.

Мужчина резко встал, и ушел, а Вероника Васильевна направилась к своей машине. Когда она к ней подходила, ее авто, неожиданно взорвалось. Затем кто-то на сотовый ей позвонил, и чей-то голос сказал:

– С тобой будет то же самое, сука.

Затем в телефонной трубке она услышала длинные гудки, и увидела как к месту происшествия подъехала милицейская машина. Вероника Васильевна подошла к месту происшествия, а милиционер в звании младшего лейтенанта спросил:

– Ваша машина?

– Да какая машина. – сказала раздосадованная женщина, и иронически усмехнувшись, пошутила. – Ее даже на металлолом не сдать.

– И все-таки, эта Ваша машина?

– Моя.

Тогда он представился:

– Младший лейтенант Дорожный. – затем он попросил. – Ваши документы, и документы на машину.

– Шутите? – улыбнулась Вероника Васильевна. – какие тут документы на машину? Они были в бардачке авто, а оно как видите сгорела.

– Разберемся. – сказал младший сержант. Он вызвал по радиации следственную группу, а сам сказал женщине. – Пройдите к полицейской машине.

Женщина подошла к полицейской машине, и младший лейтенант подошел следом. Он спросил:

– Как Вас зовут?

– Меня зовут Вероника Васильевна.

– Очень приятно. – ответил младший лейтенант Дорожный. Затем он спросил. – Скажите, у Вас нет врагов?

– Нет. – ответила Вероника Васильевна. – У меня на работе хороший коллектив, и...

– Скажите, – неожиданно перебил ее Дорожный. – а кем Вы работаете?

– Я журналистка.

– О чем пишете?

– Обо всем.

– А точнее?

– Сейчас я пишу о наркотиках.

– Ясно.

Тут Вероника Васильевна вспомнила, что она только что разговаривала с человеком, который предлагал ей деньги за то, чтобы ее статья не вышла в свет.

– Знаете, – сказала она. – я только что разговаривала с каким-то чеченцем или вроде того. – затем она сказала. – Он угрожал мне.

– Вы можете описать этого человека?

– Конечно.

– Тогда прошу Вас дождаться следовательной группы, и проехать с ними для создания портрета подозреваемого.

– Хорошо.

Вскоре приехала следовательная группа. Они взяв показание у очевидцев, поехали в отделение, и Вероника Васильевна вместе с ними.

Один из милиционеров в чине капитана, сказал:

– У Вас опасная работа.

– Да. – согласилась Вероника Васильевна. – Журналистика – это опасная профессия.

– Что Вас побудило заняться журналистикой?

– Люблю правду. – ответила она. – А журналистика, эта такая же милиция, только без погон.

– Это верно. – согласился милиционер. – Милиция не может обойтись без журналистики, а журналистика без милиции. Мы друг другу плечо ставим, поддерживаем друг друга, а иногда одно расследование ведем.

– Это так. – согласилась Вероника Васильевна. – Журналистика и милиция, это одно целое. – затем она спросила, а следователь, предполагая, что она хотела попросить, спросил:

– Вы сигарету хотите?

– Нет. – ответила та, а затем спросила. – Позвонить можно?

Следователь спросил с усмешкой:

– Он что, не сгорел.

Вероника Васильевна пояснила.

– Он всегда при мне, в моей сумочке.

– Жаль, что за документами Вы так не следите, – упрекнул ее следователь. – как за своим телефоном. – затем он добавил. – Что ж, звоните.

Вероника Васильевна вытащила из сумочки висевшую у нее на плече, сотовый, и набрав номер, позвонила своей сестре, Екатерине Васильевне.

– Алло, это я. Как дела?

Глава 2

Семья Головократовых

Итак, в первой главе этого повествования Вы узнали о том, что произошло с Вероникой Васильевной. Да, она была предупреждена о том, чтобы не печатать статью в журнале «МОЛОДЕЖЬ ПРОТИВ». Но Вероника Васильевна не согласилась. В результате она лишилась своего транспортного средства, и ей пришлось ехать в отделение милиции, чтобы дать необходимые показания. Но оставим на время Веронику Васильевну, и посмотрим, кому она звонила пока ехала в милицейский участок.

Итак, начнем с того, что познакомимся с одной семьей живший недалеко от Москвы. Между самой Москвой и Рязанью. В городе основанном в 1140–1160 г. Вообще о Коломне можно сказать много, а написать еще больше. Но чтобы не написать, все уже написано в интернете, в книгах по истории. Сейчас Коломна занимает одну из вознесших исторических мест в России. Оттуда можно отправиться в Рязань, Зарайск, Озеры. Там есть и Коломенский кремль. В центре города есть большой парк, «ПАРК МИРА», и этот город единственный в московской области, где есть трамвайные пути, и знаменитый Голутвинский круг.

Вот немножко и рассказав об этом древнем городе, мы отправимся на одну из улиц Коломны, где в своем личном доме жила семья на улице Лоза, семья Головократов. Аврора Петровна, Мария Вениаминовна, и Петр Романович.

Эта была дружная семья со своими проблемами. Они жили в одноэтажном деревянном доме. Небольшой участок, и собака. Собака Джек. Ему уже было около двенадцати лет. Перламутровый кавказец.

Теперь о самих жителей этого дома. Начнем с Петра Романовича Головократова. Это был мужчина лет сорока пяти. Яркий брюнет с карими глазами. Он был неширок в плечах, но спортивного телосложение. Работал он в Государственном социально-гуманитарном университете. Лектор юридического факультета.

Мария Вениаминовна Головократов. Молодая женщина. Высокая брюнетка, с зелеными глазами. Она работала в школе № 12, учителем математике.

Аврора Петровна Головократова. Маленькая девочка лет пяти. Она еще даже не училась в школе, а ходила в детский сад № 46 «ОРЛЕНОК»

Сейчас, когда я пишу эти строки, Мария Вениаминовна Головократова шла на коломенский почтамт, номер 140410, что находится на улице Добролюбова.

Сегодня хороший день, светит солнце, и хотя на небе были грозные облака и дул прохладный ветерок, настроение у Марии Вениаминовны было приподнятым. Все хорошо было этим днем. Сегодня она отправит письмо. Письмо своей сестре Курящей Эльвире Илларионовне. Та проживала в Америке, куда уехала после того, как Михаил Сергеевич Горбачев пришел к власти, и стал проводить свою знаменитую перестройку. Которая закончилась крахом всей коммунистической системы СССР. Впрочем, это совсем иная история. Сейчас же когда Мария Вениаминовна получила письмо от своей сестры, она хотела побыстрее его прочесть. Дело в том, что уже год она не получала писем, новостей от своей сестры. И вот наконец. Долгожданное письмо ждало ее на почте. А вот и почта. Она вошла внутрь, и встав в очередь, достала из висевшей у нее на плече, сумочке, паспорт и извещение. А вот и очередь подошла. Женщина подола почтальонше, немолодой женщине свой паспорт и извещение. Та открыв паспорт, и посмотрев в извещение, сравнила имя и адрес, сказав:

– Мария Вениаминовна, сейчас я посмотрю. – почтальонша, взяв извещение в руки, встав со стула, направилась к стеллажам, на которых лежали гора писем. Найдя нужное, она вернулась на свое рабочее место, и оформив выдачу заказного как оказалась письма, отдала его вместе с паспортом, Мария Вениаминовна Головократов, сказала. – Это все.

Мария Вениаминовна быстро вышла из почтового отделение, и положив паспорт и письмо в сумочку, и повесив ее на плечо, направилась домой. Но тут она неожиданно поняла, что уже вечерело, и пора было идти в детский сад, забрать Алису. Она никогда не забывала забрать свою дочь, Алису из детсада, но сегодняшнее событие, письмо, которое она ждала уже целый год, спутала ей все планы. Она забыла о своей дочери, и полетела на почту. Потом она конечно ругала сама себя за то, что забыла про свою дочь, но она действительно про нее забыла, и когда пришла в детсад, та грустно сидела на полу, и играла в какую-то куклу.

– Я пришла. – сказала Мария, когда увидела свою девочку на полу. – Идем домой.

Девочка, посмотрев на мать укорным взглядом, пробурчала:

– Почему так поздно? Я домой хочу, а тебя нет.

Мария подошла к дочери, и сев около нее накалены, сказала:

– Сегодня я получила письмо от тети Эльвире. – сказала она своей дочери, а затем, словно оправдываясь перед ней своей доченькой, добавила. – Я просто не смогла приди вовремя. Почта закрывается раньше.

Алиса насупившись, возразила:

– Нет, ты про меня просто забыла.

Марии не было что сказать. Ведь по сути, так оно и есть, она про нее забыла. А Алиса почувствовала это. Ведь известно, что дети понимают и чувствуют лучше, чем взрослые. Та обняла свою дочь, и заплакала. Ей было стыдно, что так получилось, что она забыла о ней, о своей дочери. А Алиса спросила:

– Почему ты плачешь?

– Я люблю тебя, больше всего на свете. – сказав эти слова, она посмотрела на дочь, и сказала. – Идем домой, я тебе письмо прочитаю.

Вскоре Мария и Алиса были дома. Приготовив ужин, Мария села на диван, возле своей дочери, и взяв письмо, которое уже лежала на диване, начала его читать.

Письмо

– Здравствуй сестра. Извини что долго не писала тебе. У меня все хорошо. Живу сейчас я в Голливуде. Работаю в сфере кинематографии. Ты знаешь, что я по образованию стилист-костюмер. Так что теперь я одеваю знаменитостей, и придаю им надлежащий вид. Сама знаешь, макияж – это первое дело для женщин, а здесь еще и мужчин гримировать приходится. Кино бизнес, что такого, если актеров гримировать? Да, еще. Недавно мне предложили роль в одном из сериалов, в пилотной серии. Ах да, ты наверное не знаешь? Пилотная серия – это первая серия сериала первого сезона. Так что теперь я снимаюсь в сериале. К сожалению его не покажут в России. Так что ты меня в телевизоре не увидишь.

Теперь про меня. Я женилась. У меня трое детей, и я снова на сносях. Правда я только узнала об этом. Срок небольшой, всего шесть недель. Так что можешь меня поздравить.

Теперь о тебе Мария. Я смотрю телевизор, и вижу по CNN, что в России одни убийства и голод. Как ты там с твоим образованием? Небошь никто и на работу не берет. Везде сокращения. Так что нечего там тебе делать, бери свои шмотки, и ко мне. Если не совсем, то погостить. Почувствуешь жизнь! Отдохнешь! В конверте ты найдешь мое приглашение в Америку. Приезжай. Буду ждать.

Твоя сестра, Эльвира

Прочтя это письмо, Мария отложила его в сторону, и встав с дивана, подошла к окну. Она долго смотрела в окно, на улицу, и о чем-то думала. Никто не знает, о чем думала Мария в этот момент своей жизни. Но можно предположить, о чем она думала.

«Моя сестра, счастливая! Она живет там, за границей. Снимается в кино. Получает большие деньги. А тут? Работаешь на износ, а тебе зарплату не платят. Сидишь тут совсем голодная, не знаешь как дочь прокормить, а еще и за детсад заплати. Что за жизнь? Мука, и только. В конце-то концов я тоже хочу быть счастлива. Вот он, шанс. Шанс уехать из этой страны навсегда. Уехать и забыть, что она существует. Впрочем, это только желание. Кто знает? Как оно там, за границей? Русских там точно не жалуют. Эльвира. Что Эльвира? Эльвира уехала еще в восемьдесят шестом. Ей повезло. Тогда за граница боролась с СССР, и приветствовала тех, кто к ним эмигрировал. А сейчас? Кто меня там ждет? Сестра. Только она и ждет. А как же моя работа? Моя семья? Я что? Ее здесь должна оставить? Петр не поедет, я это точно знаю».

Она вернулась к дивану, и сев на него, взяла конверт, и извлекла из него приглашения Эльвиры на трех лиц. На нее, ее мужа, и на ее дочь. Затем она увидела в конверте еще одну бумажку. Она извлекла ее из конверта, и отложив его в сторону, развернула ее, и прочла следующее.

– Приезжайте всей семьей. Если нет денег на билеты, я их оплачу. Также все расходы по визе. Жду. Если не сможете приехать, сообщите мне в письме. Обратный адрес на обороте листка.

Эльвира

Мария отложила письмо в сторону, и посмотрев на дочь, сказала:

– Пойдем поужинаем.

Алиса неожиданно спросила:

– А что? Тетя Эльвира приглашает нас в гости?

– Да. – подтвердила мама. – Приглашает.

– Мама, а где эта Америка?

– Далеко.

– Дальше чем мой детский садик?

– Гораздо дальше.

Они подошли к столу, и сели ужинать, как вдруг, к дому подъехала машина, и из нее вышел какой-то мужчина. Мария посмотрев в окно, сказала Алисе:

– Наш папа приехал.

Алиса вскочила со стула, и побежав к двери, встречать папу, громко кричала:

– Папа приехал! Папа приехал!

В дом вошел мужчина. Он был устал. Его лицо было похоже на выжатой лимон. Его ноги вот-вот, да и подкоситься, а он сам плюхнуться в кровать, и заснет крепким сном. В левой руке он держал кейс.

– ФУ, – выпалил он вытирая пот с лица. – сегодня был ужасный день.

Мария поинтересовалась:

– Что случилось? – а затем ласково прибавила. – Дорогой.

Мужчина поставил кейс на пол и сказал:

– Сегодня у нас был семинар. – сказав эти слова он пояснил. – Студенты... – он сделав паузу, добавил, как бы упрекая их в чем-то. – хорошие дети. – затем он сказал. – Мы – преподаватели – их деканы, рассказывали им об учебе в нашем университете, говорили обо всех прелестях учебы, и кем они станут по окончании нашего учебного заведения, – он сделав паузу, продолжил. – а они лишь смеются, и говорят, словно издеваясь над нами – преподавателями, говоря. – Кем мы станем? Это понятно. А вот как диплом красный получить, вопрос. Наверное в зубы дать надо или в лапу, кто как сумеет. Да и учиться не стоит, оплати и бери диплом.

Все равно, если написано «учился платно», то никто на работу не возьмет. Только свое дело открывать, и то денег куча нужна. Так что не говорите нам об учебе, скажите сколько диплом стоит? – Петр Романович, сделав паузу, сняв куртку и повесив ее на вешалку, сказал. – Обидно. Мы им знание хотим дать, а они только о деньгах толкуют, да и как побыстрее дипломироваться. – он снова сделал паузу, сказал. – Обидно.

Выслушав своего мужа, Мария посмотрев в его глаза, сказала:

– Забудьте обо всем. Нечего говорить о том, что будет. – она подвела его к окну, и сказала. – посмотрите в окно, что Вы видите? Пустую улицу. На ней никого нет и не может быть. Она только для нас, и не для кого больше. – затем она снова посмотрела на Петра, и сказала. – Забудьте о том что Вы слышали в университете. Новое время, новые перемены. Кто знает, что будет в будущем с этой страной? Возможно она поймет, что так жить нельзя, а возможно по вязнет в коррупции. – Кто знает? – она тяжело вздохнула. – Что будет в будущем с этой страной?

– Нас. – тотчас же отпарил Петр. – Это касается всех нас, тех кто живет в этой стране.

– Вы не правы. – ответила Мария. – Это касается лишь правительство. – затем она уточнила. – Этой, как ее, партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ», Бориса Николаевича, и его, новоиспеченную команду. – она сделала паузу, добавила. – Вот увидите, Россия погрязнет в коррупции.

Петру Романовичу нечего было ответить. Он как и большинство граждан России в то нелегкое время вступили в партию «ЕДИНАЯ РОССИЯ», это тогда было модно и престижно. КПСС пал, а новая власть лишь одна. Вот и вступали в нее кто попало. Лишь бы в грязь лицом не упасть. Удержаться на плаву, и остаться на своем месте, при своих зеленых. Ведь бизнес процветал, коррупция росла. Появились первые официальные лихие ребята, а девочки вообще...

– Что Вы хотите этим сказать?

Тут Мария сказала:

– Сегодня я получила письмо от моей сестры, Эльвиры. – затем она уточнила. – Та, которая живет сейчас в Америке.

Петр Романович посмотрев на жену безразличным, взглядом, и усмехнувшись, спросил:

– Что ей надо?

Увидев на лице мужа иронию, Мария защищая свою сестру, сказала:

– Она моя сестра, и ирония тут неуместна.

– Как же? – усмехнулся Петр. – Неуместно? – затем он сказал. – Сама уехала в эту свою Америку, и про свою семью сразу забыла. Нечего сказать, сестра называется. Просто сволочь, да и только.

– Она моя сестра. – снова повторила Мария.

– И что, что сестра? – усмехнулся он. – Она там. А Мы здесь.

– Это говорит в Вас обида. – поспешила сказать Мария. – Я понимаю, что при нынешней ситуации в стране здесь нечего делать.

Петр поспешил заявить:

– Я этого не говорил.

– Не говорили. – сказала Мария. – Но Вы думаете об этом. Думаете всегда, я знаю.

– Откуда? – удивился он. – Откуда вы это взяли?

– Из нашего с Вами разговора. – сказала Мария. – Я что, не вижу? Вам грустно и невыносимо смотреть на то, что сейчас происходит в России?

– Да. – согласился Петр, и тяжело вздохнув, добавил. – Грустно. – затем он сказал. – Россия на пороге кризиса. Еще немножко, и она не выйдет из него в ближайшее время.

– Так пусть же она будет несчастна. – сказала Мария. – Пусть же ее рвут на части эти политики-бюрократы. «Мы-то здесь при чем?» – затем она сказал. – Эльвира приглашает нас всей семьей к себе, в Америку на постоянное место жительства. – затем она сказала. – Поехали в Америку. Там все будет по-иному.

– Что именно, по-иному?

– Откроем свое дело, повысим свою квалификацию. Ведь я юридический окончила, а работаю в школе, преподаю русский и литературу. – затем она сказала. – А Вы? Вы дипломированный человек, закончивший юридический факультет МГИМО, вынужден преподавать. Работать за гроши в этой стране. А в Америке возможно частная практика.

– Здесь тоже возможна частная практика.

– Здесь возможно, что за эту практику меня вдовой оставят.

– А там, в Америке, что, не так?

– Там есть настоящий закон. – ответила Мария. – А здесь – нет. Только закон силы и пуль, и больше ничего.

– Может так оно и есть. – согласился Петр. – В этой стране нет закона. Конституцию, – усмехнулся он. – и то поменяли. – затем он бросил. – Что там говорить? Живем как... – он не закончил фразу, но Мария поняла его сразу. Она спросила:

– Согласен поехать с нами в Америку?

– Согласен, – он тяжело вздохнул. – но это невозможно.

– Почему?

– Денег на билет нет.

– Это не беда – сказала Мария. – Эльвира все оплатит. – затем, он посмотрев на Алису, добавил. – Но я это делаю только ради Алисы. – он сделал паузу, добавил. – Там, в Оксфорде, она получит высшее образование, и никто не ткнет в нее пальцем, и не скажет, что она выучилась за деньги.

Петр задумчиво сказал:

– Ну, если Эльвира оплатит.

Тут Алиса видя, что на нее не обращают никакого внимания, подбежала к отцу, с криком:

– Папа-папа! – она подбежала к отцу, и тот взяв ее на руки, спросил:

– Где тут мой карапузик, где моя дочь?

В ответ та крикнула:

– Я здесь! Я здесь!

Мария легонько улыбнувшись, сказала своей дочери:

– Мы едим в Америку. – затем она спросила. – Ты хочешь к тете Эльвире?

– Хочу. – прозвучал ее громкий голосок. – Хочу к тете Эльвире.

Тогда давайте собираться. – затем она обратилась к Петру. – Когда в посольство поедим?

– Завтра. – ответил тот. – Все завтра. – он поставил Алису на пол, и спросил у нее. –

Мама что-нибудь приготовила на ужин?

– Приготовила.

– Тогда давайте пойдемте ужинать. – сказал он, затем добавил. – Я голоден как волк.

– Ай! – воскликнула маленькая Алиса. – Волк!

– Это такое выражение. – поспешила сказать Мария с укором смотря на своего мужа. – Волка нет, это лишь выражение.

Алиса успокоившись пошла вместе с отцом за стол, и в этот момент зазвонил телефон.

– Я сейчас. – сказала Мария, и подойдя к сумочке. Извлекла из нее сотовый, нажала кнопку ответа вызова. – Алло.

Петр посмотрел на Марию, и спросил:

– Кто это?

– Вероника. – ответила Мария вполголоса.

– Что ей нужно?

Мария пожала плечами.

Петр и Алиса направились на кухню, а Мария ответила звонивший ей Вероники:

– Приветик! Как дела?

- У меня проблема.
- Что случилось?
- Мою машину взорвали. – ответила Виктория. – затем она пояснила. – Я сейчас пишу о наркотиках, и кто-то хочет чтобы статья не вышла в свет.
- Я поняла. Помощь нужна?
- Да.
- Что от меня требуется?
- Приехали сейчас ко мне, сможешь?
- Ты в Москве?
- Да, в Москве.
- А я в Коломне.
- Значит не приедешь?
- Только завтра.
- Хорошо. – ответила Виктория. – Я буду ждать.
- А где Вы сейчас?
- Машине, еду в милицию, давать показание.
- Будьте осторожна Виктория. В милиции сидят такие же люди как и везде.
- Я поняла. Завтра жду.
- Буду к десяти.
- Отлично. До завтра.
- До завтра.

Разговор был закончен. Мария отключила сотовый, и положила его на стоявший неподалеку стол, пошла на кухню, к семье.

- Что ей было надо? – спросил Петр. – Она вспоминает о нас лишь когда ей трудно.
- Она попала в историю. – садясь за стол сказала Мария. – У нее взорвали машину, покушались на ее жизнь.
- Вот черт! – выругавшись Петр бросил ложку в тарелку супа, и разбрызгав его, сказал. – Что за женщина? Вспоминает только когда ей нужна помощь, а о том, как мы живем, никогда не интересуется. – ругался он. – Все только просят, никогда не дают. – затем он поинтересовался. – Что она хочет?

Мария начав трапезничать, сказала:

- Она хочет чтобы я приехала к ней.
 - Приехала? – удивился Петр. – Зачем?
 - Не знаю. – призналась она. – Об этом она умолчала.
 - Наверное будет просить деньги. – не довольствовал Петр. – Как будто бы у нас их полно.
 - Я не думаю, что ей деньги надо.
 - Тогда что?
- Мария пожала плечами.
- Не знаю.
 - Мама! – дала свой голос Алиса. – Кто такая Виктория?
 - Эта моя подруга. – объяснила своей дочери ее мать. – Она попала в беду, – пояснила она. – и теперь ей нужна моя помощь.

Алиса спросила:

- Значит мы не поедим к тете Эльвире?
- Почему ты так думаешь?
- Но ты же завтра уедешь в Москву. – сказала Алиса.
- И что?
- Значит к тете Эльвире мы не поедим.

– Какая глупость? – удивилась Мария. – Конечно Мы поедем к тете Эльвире. – затем она пояснила. – Но нам еще надо получить визу. – затем она объяснила. – Эта такая бумажка, по которой мы сможем улететь в Америку. И потом, надо еще билеты купить, а тебе паспорт сделать. На все это надо кучу времени, а Москва, на день, не больше.

– Да. – добавил ее отец. – На все это надо время.

Алиса воскликнула:

– Когда же я увижу тетю Эльвиру?

– Скоро. – заверила ее мама. – Очень скоро. Вот только документы будут готовы, и все, купим билеты, и полетим к тете Эльвире.

Алиса продолжила трапезничать, а Мария сказала Петру:

– Скорей бы все это кончилось.

– Это Вы о чем?

– Просто, – тяжело вздохнула Мария. – Все надоело. – она сделав паузу, добавила. Вся эта гребенная жизнь, надоела. Мне тоже хочется пожить по-человечески, а не думать каждый день, где взять деньги чтобы продукты хотя бы купить. Я не говорю уж о том, что уже второй год не могу себе новое платье купить, хожу он, в старых обносках, а так хочется чувствовать себя женщиной.

– Это говорит в Вас чувство обиды. – сказал Петр. – Но не отчаивайтесь. – сказал он подбадрывающей интонацией. – Вот уедем в штаты, и все забуришься. Устроимся на работу, станем жить по-новому. Я открою свое дело – юридическую контору. Буду консультировать клиентов. – он сделав паузу, добавил. – Вы тоже можете начать практику. Ведь юридический факультет что-то уж значит?

– Все это лишь слова. – возразила Мария. – Сладкие мечты, и ничего боле. – она сделав грустную паузу, добавила. – Жизнь – это совсем иная штука. Никто не знает, как примет нас Америка? Ведь русские в Америке – это кошмар! Помнишь Жанну, ту, что уехала в штаты прошлой весной. Я получила от нее письмо, так она пишет, что там для русских нет достойной работы, только дворником на улицу, и это с высшим экономическим образованием. Не знаю, устроилась она сейчас по специальности, но когда я получила от нее письмо, она писала, что она устроилась в какой-то дом, к некой Джессике, домработницей. А как сейчас, не знаю?

Петр заметил:

– Но у нее нет родственников за границей.

– Это верно. – согласилась Мария, и тихим шепотом добавила. – Родственников нет.

– Вот видите, – подбадрывал Марию Петр. – У нее родственников нет, а у нас есть. Может у нас и получиться. – подбадрывал Марию Петр. – А если нет, то и расстраиваться не надо. В конце-то концов и в России место где-нибудь найдется.

Мария иронично усмехнулась. Он продолжил трапезничать, а после пошли смотреть телевизор.

Глава 3

Две подруги

Наутро Мария поехала в Москву, к Веронике. Узнать, что произошло с ней, и нужна ли ей ее помощь. Вряд ли кто вот так, мог бы поехать к незнакомой женщине, даже если они заклятые немезиды. Впрочем, чем черт не шутит? Некоторые люди не могут оставить в беде кого-либо. Есть еще на свете добрые люди. Еще есть честные. Хотя их осталось почти ничего.

Итак, приехав в Москву, Мария позвонила Веронике, и выяснив где она сейчас находится, а находилась она у себя дома. Мария поехала к ней домой. Ехая в метро, Мария не могла ни о чем ином думать, как о том, нуждается ли Вероника в ее помощи или нет? Конечно, она в ней нуждалась. Она сейчас нуждалась в чисто женской поддержке. Она потеряла машину, ее хотят убить. Что еще здесь скажешь? Сейчас, сидя дома, за компьютером, и писав очередную статью для журнала, она хотела, чтобы статья поскорее вышла в свет. Статья о наркотиках, о том, как врачи целенаправленно сажали людей на наркотические средства, те уже не могли с них слезть.

Часы пробили полдень, когда в ее дверь раздался звонок.

«Кто это мог быть?» – подумала Вероника. Она никого не ждала. Сегодня, после рабочего дня, после того как она побывала в милиции по делу взрыва своей машины, она была решимости написать об этом занимательную историю. Она посмотрела в окно, и увидела как серые тучи собрались у окна. – «Скоро прольет дождь». – думала она. – «Сегодня скверный день». – тут она неожиданно вспомнила, что вчера она звонила своей подруге, Марии, и пригласила ее к себе, чтобы та подсказала ей, что делать дальше? Чтобы она поддержала ее в этой ситуации. Вероника встала со стула, и направилась к входной двери. Она шла быстрым шагом. Казалась она бежит к двери, чтобы отвариив ее, увидеть так знакомое лицо. Лицо Марии. Вот она подбежав к двери, распахнув ее, увидела до боле знакомое лицо. Лицо Марии. Она стояла в коридоре, на лестничной площадке, и словно приветствия Марию добродушным, приветливым взглядом, пригласила войти в квартиру.

Та вошла в квартиру, и Вероника, закрыв дверь, поинтересовалась:

– Как доехали?

– Хорошо. – ответила Мария, а затем спросила. – Сегодня отличное утро, не правда ли?

– Да. – согласилась Вероника. – Сегодня замечательное утро. – она сделав незначительную паузу, добавила. – Правда тучи хмурятся, как бы дождь ни пошел?

– Дождь? – ухмыльнулась Мария. – Это хорошо! Дождь! – затем она добавила. – Дождь смывает все тягости невзгоды, и после него все будет хорошо! – затем она спросила. – Что случилось?

– Меня хотят убить. – призналась Вероника. – Я написала статью о наркотиках, и кто-то не хочет чтобы она вышла в свет. – затем она сказала. – Да что мы стоим все в прихожей? «Так мы и не поговорим», – затем она спросила. – Вы голодны?

Мария неоднозначно сказала:

– Есть немножко.

– Тогда может перекусим?

– Почему бы и нет.

Они прошли в кухню, и Мария села за стол.

Вероника сказала:

– Я сегодня ничего еще не приготовила. – затем она спросила. – Как насчет яичницы?

– Хорошо. – ответила Мария. – Яичница, значит яичница.

Вероника пожарив яичницу, разложила ее по тарелкам, а затем поставив на стол вместе с ложками, села сама.

– Что случилось? – поинтересовалась Мария. – Что за история с автомобилем?

Вероника ответила:

– Я пишу статью о наркотиках. – затем она пояснила. – В частности о врачах, которые целенаправленно сажают людей на иглу.

Мария воскликнула:

– Этого не может быть! – она не находила слов в оправдания врачей. Ей всегда казалось, нет, она была уверена на все сто процентов, что врачи должны лечить своих пациентов, а не убивать их. – Этого просто не может быть!? – не верила она своим ушам. – Это просто невозможно.

– К сожалению, это возможно. – грустно сказала Вероника. Она понимала, что в это трудно поверить, но это факт. – Я была в наркодиспансере, брала интервью у одной девочки. Она рассказала мне о... – тут она рассказала Марии о Льве Давидовиче Зенькове. О клубе и об Андрее. Она рассказала ей обо всем, что рассказала ей Лена. Всю историю двух девочек. Закончив свой рассказ, Вероника спросила. – Не правда ли, ужасно?

Марии не было что и сказать. Она слушала Веронику и ужасалась. Ужасалась ее рассказом о том, что она ей сейчас рассказала. Она не могла сказать ни единого слова в оправдание этого с позволения сказать доктора, но лишь одно слово ей приходила на ум.

– Сволочь. – выругнулась Мария. – Какая же он сволочь.

– Ни то слово, сволочь. – согласилась Вероника. – Я бы таких с позволения сказать, врачей, вешала б на первом фонарном столбе. Подумать только, врач – убийца. – тут она сказала. – Вот такие с позволения сказать врачи, и сажают людей на иглу. – затем она пояснила. – Представьте, приходит пациент к врачу с тяжелой болью, а тот его в клинику, и начинает пичкать морфием. А тот запрещенный препарат. Ну ладно, бывает когда человек безнадежен, и ему только наркотик помогает. Это ладно. Но есть случаи когда надо снять боль, и колют морфин. А потом выписывают, а те без морфина не могут. Вот и идут к доктору за рецептом, а тот им прописывает или колет сам. Ну что за сволочь! Зная, что Морфин наркотический препарат, его все равно применяют. И сняв боль выписывают к чертовой матери, лишь бы с себя ответственность снять, а остальное все равно. Что будет с этим человеком? Им начхать. – сделав паузу, Вероника продолжила. – Этот бизнес – самый прибыльный в мире. От него никто не откажется. И пусть правительства сажают наркодельцов, – Вероник иронически усмехнулась. – Большинство из них все равно не доживёт не то что до суда, а до первого допроса. Им невыгодно сажать, можно снять с себя ответственность, и свалить все на суицид. Все в их руках. Вот и думайте, кто главы наркотрафика, кто эти боссы белой смерти?

– Хотите сказать? – предположила Мария. – Что всем этим делом правят...

– Все может быть. – грустно ответила Вероника. – Чем Черт не шутит?

Мария отложила ложку в сторону. У нее пропал аппетит. Сейчас она не могла ни о чем ином думать, как ни о том, что есть такие врачи, которые убивают своих пациентов, и за это ничего. Никакой ответственности нет. Наркотики и медицина связаны друг с другом. Медицина и фармакология. Что может быть лучше прикрытием для продажи наркотических средств. Продажи их легальном образом. Ничего. А кто их финансирует? Ответив на этот вопрос, мы получим ответ на вопрос. Кто же настоящие боссы наркотрафика, и почему этот канал так выгоден им?

Впрочем, ни только врачи – торговцы наркотиками, есть еще врачи – убийцы старых людей. Они от них просто избавляются как от ненужного элемента.

Вероника сказала:

– Впрочем, это неединичный случай.

– Мария спросила:

– А есть что-то еще?

– Да, есть. – спокойно ответила Вероника, и на ее глаза появились горькие слезы. – Вы знаете, – сказала Вероника подбирая слова. – что у меня была бабка которая умерла в больнице?

– Знаю.

– Так вот. – продолжала она свой рассказ. – Она не умерла, ее убили.

– Убили? – удивилась Мария не веря сказанному Вероникой. – Я не слышала? Убили?

– Да. – ответила Вероника, подтверждая сказанное ею. – Ее убили.

– Но как?

– Что ж, – ответила Вероника вытирая под глазами слезы. – я мало кому рассказываю правду о моей бабке, Прасковьи Васильевне. – она сделав паузу, встала из-за стола, и подойдя к плите, поставила на нее чайник. – Я еще сегодня совсем не пила чай. – она сделав паузу, добавила. – Статья заняла у меня все мое время, а этот взрыв совсем выбил меня из колеи. – она снова обратилась к Марии, и та увидела на ее лице печаль и задумчивость. Что-то тяготило ее. Что-то гложило ее изнутри. Мария поинтересовалась:

– С Вами все в порядке?

– Да. – ответила Вероника слегка улыбнувшись. – Я в порядке. – она вернулась, и села за стол, продолжила свой рассказ. – Итак, – начала она рассказ. – дело было так. Как-то раз мы вызвали скорую помощь. Скорая приехала быстро. Врач осмотрев Прасковью Васильевну, вколол какие-то препараты, а затем сказал: – Что Вы с ней мучиться будете? И нам и Вам одна головная боль. А ей страдания, да и только. – Это слова нас просто убили. Мы поняли, что врач скорой помощи имел в виду. И мы сказали ему, что об этом не может идти речи. Тогда он уехал. А в скором времени он приехал опять, и забрал Прасковью Васильевну в больницу, та что в Жуковском, в Колонце находилась когда-то. На улице Театральной. – на ее глазах появились горькие слезы. Она плакала и вытирая слезы платком, продолжала свой нелегкий, а наоборот, слишком тяжелый и мучительный для нее рассказ. – Мы пришли ее навестить, а нам сообщили, что она померла. Потом, нам сообщили, что она бушевала, и обвинила врачей в краже ее денежных средств. – она сделав паузу, продолжила. – Я знаю, что моя бабка брала с собой деньги, поэтому, возможно она была права. Врачи украли у нее деньги. – она сделав паузу, продолжила. – Когда мы ее хоронили, она лежала в гробу как живая. У нее не было окаменение, как это бывает у покойных. Я помню даже священник заметил это, но ничего не сказал. А когда моя мать Любовь Романовна сказала своей сестре, Лиде, что их мать жива, то та ответила ей, что пить надо меньше. И добавила, чтобы та прошла похмелиться, а муж Лиды потребовал у Любви денег на выпивку. Так что никому эти похороны не были нужны, лишь выпить. Так и похоронили. Вскоре, моей маме приснился сон. В нем ее мать лежала в гробу, на левом боку, и ворчала, что сбита подушка, и ей надоела лежать на одном боку. Я совершенно уверена, и могу поклясться чем угодно, что мою бабушку ввели в искусственную кому, и сердце у Прасковьи Васильевны стало биться так медленно, что можно было его прослушать только на ЭКГ – аппарате. – Вероника тяжело вздохнула. – Вот так все и было. – закончила она свою историю. – Хотите вери, хотите нет.

Этот ужасающий рассказ, был по-настоящему ужасным. Никто даже в страшном сне не мог себе представить что-нибудь подобное. Врач, который должен лечить, на самом деле убивает. Вводит в искусственную кому, и оформляет смерть. Эта история реальна. Она действительно произошла в городе Жуковском, в Колонце. Сейчас этой больнице уже нет, врачи уже пенсионеры. Бог им судья, не я. Сейчас вспоминая эти события. События давно минувших дней, я уверена, что и сейчас, в наше время практикуется подобная практика. Смерть приходит неожиданно. Но когда ее приближают это страшно.

Я сказала Веронике:

– Вы в этом невиноваты. В случившемся виноваты лишь врачи. Они убили человека. – я сделав паузу, добавила. – Это не первый случай и не последний. Вся эта история повторяется

изо дня в день. Кто хочет жить с больным человеком, зная, что он все равно умрет. – я сделал паузу, добавила – Вы не виноваты. Не судите себя за это.

– Вы правы. – согласилась Вероника. – Я в этом не виновата, я тогда была еще ребенком. Даже мои родители невиновны. – оправдывала она их. – Они были против этой жестокости, а врачи сделали свое дело.

– Это так оно и есть. – согласилась я. – В этом нет Вашей вины, в этом виновны лишь они – врачи. Эти монстры в белых халатах.

– Что ж, – тяжело вздохнула Вероника. – что было, то было назад уже не воротишь. Надо думать, что сейчас есть, а не то, что было когда-то. – она сделала паузу, сказала. – Моя статья – это бомба. Кому понравится то, что там написано? «Никому», – затем она сказала. – Что мы все обо мне, да обо мне? Расскажите, что нового у Вас?

Я развела руками, сказав:

– Ничего. – затем добавила. – Вот, письмо из Америке получила, от Эльвиры. Приглашает нас всех к себе, в Америку. Говорит, что там лучше.

Вероника ответила:

– Жизнь там действительно лучше. Больше можно заработать, ни то что в этой стране. – она словно выхаркнув эти слова, добавила. – Здесь нет перспектив для работы, да и зарплаты нет. – Вероника недовольно поморщилась. – Сидишь здесь, вкальваешь как проклятая, а зарплаты нет. А если платят, то на коммуналку не хватит, ни то что месяц прожить. Так что поверь мне – репортеру журнала, уезжайте из этой страны пока можете. – затем она прибавила. – Здесь жить нельзя.

Возможно она права. Жить в России в начале девяностых годов было просто кошмарно. Нет работы, нет зарплаты. Появились финансовая пирамиды. Раздолья для жуликов и бандитов, а честным гражданам, так жить нельзя.

– Значит я приняла правильное решение. – сказала Мария. – Поехать в США это просто спасение от этой жизни в России. – она сделала секундную паузу, сказала как бы подбадривая саму себя. – Вот приеду к сестре в Америку, устроюсь на работу, и все у меня наладиться. Буду жить как человек. – на ее лице появились горькие слезы. Она заревев, вскрикнула. – Будь оно все трижды проклято! – впадала она в истерику. – Я не хочу! – воскликнула она в неистовое. – Я не хочу уезжать из России! – тут она впала в истерический припадок, и послав всю Россию на все четыре стороны – трех букв, выжала из себя что было мочи. – **НЕНАВИЖУ!**

Вероника очень хорошо понимала подругу. Она любила Россию, и в то же самое время ненавидела ее. Это ни любовь? По-моему так, это и есть любовь. Любовь рождает всегда ненависть, а ненависть любовь. Это и есть то чувство, которое люди назовут потом преданностью.

– Мы всегда выбираем лучшее. – сказала Вероника. – Лучшее для своих детей. – она сделала паузу, добавила. – Ответьте на один-единственный вопрос: что лучше будет Авроре? Сможет ли она жить здесь счастлива, или ей лучше будет там, на чужбине? – она сделала паузу, добавила. – Можете ли Вы дать счастье Авроре здесь, или все же счастливой может быть там, на чужбине. – тут она сделала паузу, добавила. – Счастье эфемерно. Оно либо есть, либо его нет. А обеспечить в первую очередь своего ребенка, это обязанность каждого родителя. – Ответьте сами на вопрос: способны Вы обеспечить свою дочь в этой стране до тех самых пор, пока она начнет зарабатывать самостоятельно? – Снова пауза. – Вероники с трудом давался этот разговор. Никто не знает, что произойдет с человеком в этой жизни? Будет ли он богат или беден? Уедет за границу, на чужбину или всю жизнь проживет в стране где родился? Этого никто не знает. На этот вопрос можем ответить только мы сами, мы – люди. И Вероника сказала, закончив тем самым свою длинную, но поучительную речь. – Лишь ответив на этот вопрос самой себе, Вы поймете, стоит ли уезжать в иную страну, или будет лучше остаться здесь, в стране где Вы родились.

– Вы совершенно правы. – поспешила сказать Мария. Она уже пришла в себя после истерического припадка. – Мы – родители, должны заботиться в первую очередь не о себе, а о своих детях. Дать им воспитание, выучить их. – она сделала долгую и тяжелую паузу. Ей было нелегко говорить об этом. Ведь по сути, она понимала, что, сейчас она должна посветить остаток жизни только Авроре. Только ей одной. А все вечеринки и посиделки с подружками, все это напотом. Главное сейчас только Аврора, и только она. Что в то время могла дать Авроре Россия? Пожалуй ничего, только одно разочарование. Что же могла дать Авроре Америка? Образование, а это было самым главным в жизни Авроры. Ведь не получив никакого образования, можно сказать, что жизнь потеряна. Перспектива провести всю жизнь убираясь дворником, да и то, если возьмут? Отличная перспектива жизни. Так что Мария сказала. – Авроре нужно образование. Ей нужно встать на ноги, а здесь, в России, это невозможно. – Мария тяжело вздохнув, добавила. – Здесь не дают никакого образование, здесь просто его покупают.

– Так в чем же дело? – легко сказала Вероника. – Что тут думать если все решено! – она сделала паузу, сказала. – Такой шанс предоставляется один раз в жизни. Грех не воспользоваться.

Посмотрев разбитым взглядом на Веронику, Мария спросила:

– Вы считаете, что нужно лететь?

– Конечно нужно! – тотчас же ответила Вероника. – Такой шанс предоставляется раз в жизни, а Вы еще сомневаетесь?

На что Мария тихо ответила:

– Я не сомневаюсь, я просто не знаю что мне делать?

– Конечно лететь! Тем более Эльвира пригласила всю семью, ни Вас одну.

– Это так.

– Так в чем же дело?

– Не могу представить нас в чужой стране.

– А умирающей, без еды, Вы можете себе себя представить? Молчите. Нечего Вам сказать. Значит я права.

– Да Черт со всем. – плюнула Мария. – Будь она трижды проклята, эта страна. Еду в Америку. Прощай страна. Прощай Россия. Будь ты...

Все. Разговор был окончен. Все случилось на кругу своя. Мария приняла окончательная решение уехать из России, и познать ту, лучшей жизнь. Жизнь, где можно жить, а не существовать как здесь. Да впрочем, что говорить? Жизнь в девяностые в России это что-то.

Раздался оглушительный звон дверного звонка.

Мария спросила:

– Кто это?

– Эдвард должен зайти.

– Эдвард. – уточнила Мария. – Он что?

– Нет. – ответила однозначно Вероника, и уточнила. – Он просто друг. – встав из стола, Вероника пошла открывать дверь, а Мария осталась сидеть за столом.

Вероника открыла дверь. В коридоре стоял мужчина. Ему на вид было около сорока лет. Брюнет с короткой стрижкой. Сам он выглядел худощаво, и хоть ему было около сорока, выглядел он на все тридцать. Вообще, кто знает, почему мы одни стареем раньше, а другие вовсе не стареют? Живут всю жизнь, и хоть состарились на какое-то мгновение. Нет, этого не происходит.

– Привет. – поприветствовал ее мужчина. – Сегодня хороший день, не правда ли?

– Да. – ответила Вероника. – День отличный. – затем она пригласила его в квартиру, и сказала. – У меня сегодня гости.

Мужчина тотчас же спросил:

– Я не вовремя?

– Нет. – отпарила Вероника. – Вы вовремя. – она закрыв входную дверь, пригласила гостя пройти в кухню, где сидела за столом Мария. – Знакомьтесь. – сказала она. – Эдуард. Эдуард, эта Мария.

– Очень приятно. – поспешил сказать Эдуард.

– И мне. – поспешила ответить Мария.

– Садите? – спросила озабоченная Вероника, и добавила. – Мы чай пьем.

– От чая я бы не отказался. – Эдуард сел за стол, и посмотрев на стол, не нашел ничего напоминающего ему, что за столом пьют чай. И в этот самый момент чайник на плите свистнул. Эдуард вздрогнул от неожиданности, а Мария почему-то передернулась. Ее тоже напугал этот свист. Свист чайника. В этот самый миг она почувствовала какую-то боль в груди. Ей показалось, что она что-то потеряла в своей жизни. Что-то ушло от нее безвозвратно, и никогда уже не вернется.

Заметив эту перемену, Вероника торопливо спросила:

– С Вами все в порядке?

– Да. – ответила Мария, и схватившись за сердце, произнесла. – Со мной все... – и в это самое время Мария потеряла сознание.

– Что произошло? – не понимал Эдуард.

Вероника быстро пощупав пульс Марии, и приоткрыв веки поняла, что с ее гостей плохо, и она быстро сказала Эдуарду:

– Скорую. Быстро!

Эдуард поспешно вызвал скорую, а Вероника кинулась в шкафчик, где лежали сердечные лекарства.

Марии стало плохо. Она что-то почувствовала. Что-то она ощутила. Но что она почувствовала? Об этом Мы узнаем в следующей главе этой истории.

Глава 4

В больнице

Итак, Марии стало плохо. Она что-то почувствовала. Что-то она ощутила. Но что она почувствовала? Это у каждого свое. Что касается Марии, то она почувствовала в сердце тоску. Ей на секунду показалась, что на ее сердце легла лягушка, и сжала его в свои силки. Она почувствовала, что она как будто бы потеряла кого-то. На ее ранимое сердечко налегла тоска. Оно словно опустошалось. Чувство потери легло на ее сердце. Она схватилась за свою грудь, там, где у человека находится его сердце, и посмотрев на Веронику, произнесла: – Со мной все... – и в это самое время Мария потеряла сознание. Она видела, как Вероника быстро склонилась над ней Веронику, щупавшую ее пульс и приоткрывавшую ее веки. Она слышала, что Вероника что-то кричала Эдварду, и тот побежал в комнату. Дальше крошечная тьма. Мария больше ничего не помнила. Она попросту потеряла сознание.

Очнулась она в больничной палате. На ней была надета кислородная маска, а к ее телу были подключены множество контактов. Некоторые из них следили за ее давлением. Некоторые находились в ее теле, и через них в ее организм поступали медицинские препараты. Открыв глаза, Мария увидела белый потолок. Она не понимала, что с ней происходит? Не понимала, как она оказалась здесь? Она попросту не помнила ничего. Последним ее воспоминанием был факт ее плохое самочувствие. Она помнила, как она разговаривала с Вероникой. Смутно помнила, как она потеряла сознание. А дальше пустота. Провал в памяти. Она не помнила ничего с того самого времени, как потеряла сознание. Как она оказалась здесь? И что это за место? Этого Мария не знала. Тут ее внимание переключилось на одно обстоятельство. Дело в том, что она после того, как потеряла сознание, увидела следующее. Это был словно сон наяву. Все то, что она видела было реалистичным. Можно было все принять за чистую реальность. Что же она видела?

Она видела, как она шла по длинной пустой улице. Вокруг никого. Ни единой души. Она подошла к остановке, и сев на лавку стала ждать его. В это самое время Мария увидела едущую по дороге черной OPEL, а из-за угла выезжает на полной скорости черная ДЖИП. Они ехали друг к другу. OPEL соблюдал скоростной режим, а ДЖИП ехал с огромной скоростью, все сметая на своем пути. Аварии было не избежать. Джип со всей скоростью протаранил OPEL, и та сложившийся гармошкой, взлетев кверху, упала на асфальт, и взорвалась. Крики людей из машины, которая горела ярким пламенем, были последние крики о помощи. Никто не выбрался из машины. Все находившиеся там сгорели заживо. Затем из нее вышла женщина и мужчина. Это была их душа. Душа двух сгоревших заживо людей. Содроганием и ужасом смотревшая на произошедшие Мария, сразу узнала одного человека. До более знакомую ей женщину – ее сестру, Эльвиру. Да, эта была она. Такая знакомая и близкая по крови женщина. Она была так близко, и так далеко.

«Что это?» – думала Мария. «Это реальность или просто ужасный сон?»

Она не понимала, что происходит? Что это такое? Реальность или страшный кошмар? Тут она увидела, как Эльвира посмотрев на Марию, словно моля ее о помощи, сказала:

– Не оставьте моих детей одних. – затем она сказала. – Возьмите их к себе. Им семья нужна, а здесь ее нет. Затем она вместе с незнакомым мужчиной исчезли. Они превратились в облака прозрачного дыма, и растворились в воздухе. Их машина тоже куда-то пропала, а виновник этой трагедии просто исчез.

Мария побледнела. Она боялась за Эльвиру. Она – ее подруга, ее сестра. Она не верила, что это ведение вешнее. Все что угодно, только не это. Она убеждала себя, что ее сестра жива, что все то, что она сейчас видела, это просто сон. Сон, и ничего больше. Вот она, сейчас проснется, и позвонит Эльвире, и та снимет трубку с телефонного аппарата, и скажет знако-

мое: – Алло! – Она услышит ее голос, и облегченно вздохнет. Но в это она почему-то не верила. На ее сердце была тоска, и чувство опустошенности. Казалось, что она, что-то потеряла. Что-то потеряла безвозвратно.

В этот миг, она словно полетела в пропасть. Она летела и казалось, что ей не было конца. И вот она словно упала. Упала в кровать, и подпрыгнув снова, оказалась в собственном теле. Она очнулась, и почувствовала, что у нее закружилась голова. Она была тяжела, словно в ней был пуд золота. Она не понимала, что с ней произошло? Не понимала, где она? Не понимала вообще ничего. Она сейчас молила лишь обо дном, чтобы все то что она сейчас видела, было лишь сном, кошмаром, который ей приснился этой ночью, и боле ничего.

В это самое время в палату зашла медсестра. Молодая девочка, только что закончившая училище. На ней был надет белый халатик. Она подошла к лежащей на кровати пациентки, и посмотрев на нее, замерла. Пациентка пришла в себя. Она лежала на кровати с открытыми глазами. Мониторы показывали жизнедеятельность организма. Медсестра сразу же вызвала доктора, и тот придя в палату, он пощупал ее пульс, и осмотрев ее полностью, посмотрел на показание мониторов, и сказал:

– Хорошо. – затем он сказал медсестре, чтобы та приготовила какие-то препараты для внутривенного ведения в арготизм.

Медсестра поинтересовалась:

– Как Вы думаете, Виктор Дмитриевич. Она жить будет?

– Если у нее есть сила воля к жизни, то да. Она будет жить. А если нет? – доктор развел руками.

В это же самое время, они услышали тихий голос Марии. Она спросила:

– Где я?

Доктор подошел к Марии и сказал:

– Вы в кардиологическом центре именно Боткина.

– Что произошло?

– У Вас был сердечный приступ. – сказал доктор, а затем добавил. – Хорошо что в это время Вы были не одна, а то бы... – доктор запнулся.

Мария поинтересовалась:

– Где Вероника?

– Вероника? – на секунду задумался доктор. – А! – вспомнил он, что именно Вероника привезла пациентку к ним в институт. – Она пробыла здесь довольно долго, а потом поехала домой.

– Долго? – не понимала Мария. – Это сколько?

Доктор и медсестра переглянулись меж собой.

– Доктор. – снова произнесла Мария. – Это сколько?

– Вы были в коме трое суток. – ответил доктор, затем добавил. – Вы сильная женщина.

– Что Вы имеете в виду?

Доктор спросил:

– Вы когда-нибудь страдали сердечно-сосудистыми заболеваниями?

– Нет. – не понимала Мария, к чему все эти вопросы?

– А в Вашей семье?

– Никто. – испуганно непонимающе ответила Мария. – Почему Вы об этом меня спрашиваете?

Доктор ответил:

– На показаниях ЭКГ, мы обнаружили у Вас сильную тахикардию. – сделав паузу он добавил. – Мы провели дополнительные обследования, и выяснили, что у Вас. – он снова сделал паузу, как бы готовый ее к самому худшему. – порок сердечной мышцы.

Мария испуганно спросила:

– Что это значит?

– Это значит. – сказал доктор, что кровь в сердце почти не поступает, и Вам нужна операция. – затем он сказал. – К сожалению, в России такие операции не проводятся. Только в Германии или в Америке. – затем он с сожалением добавил. – И то, за большие деньги. – после он спросил. – У Вас есть деньги на лечение за границей?

Тут Мария вспомнила, что ее сестра, о которой она видела не так давно страшный сон, приглашала ее к себе в гости.

– Моя сестра. – тихо сказала Мария. – Она может помочь.

– Где она живет?

– В США. – затем она сказала. – Я устала. Хочу побыть одна. – а затем добавила. – Сообщите Веронике, что я хочу поговорить с ней. И позвоните моему мужу, он...

Не успела она закончить предложение, как медсестра сказала:

– Они знают. Вероника уже им сообщила о случившемся.

Мария спросила:

– Где они?

– Здесь, в Москве. – заверила Марию медсестра, а затем добавила. – Они остановились у Вероники.

– Я хочу их Видеть.

– Не в коме случае! – тотчас возразил доктор. – Вы еще слабы. – затем он сказал. – Отдыхайте, набирайтесь сил. Они Вам еще понадобятся.

Доктор и медсестра вышли из палаты, и доктор сказал:

– Переведите пациентку в интенсивную терапию.

– Хорошо. – ответила медсестра. – Переведем.

Доктор пошел к другим пациентам, а медсестра направилась в сестринскую. По дороге она зашла к дежурному врачу, и сказала, что Виктор Дмитриевич сказал, что пациентку из сто восемнадцатой нужно перевести в интенсивную терапию.

– Она что, пришла в себя?

– Да. – ответила медсестра. – Она только что пришла в себя.

– Света. – обратился молодой врач к медсестре. – Мы сегодня встретимся? – он подошел к ней и обняв ее, смотря ей в глаза, спросил. – Вы станете моей женой?

– Я еще не готова. – ответила она. – Не хочу делать поспешных выводов, и ошибиться как моя мать.

– Что мать? – не понял он. – При чем здесь мать?

Света посмотрев на молодого доктора печальным взглядом, сказала:

– Так, и в самом деле ни при чем.

Тут по громкой связи объявили:

«Доктора Раздолблена просят пройти в операционную».

– Мне надо идти. – сказал молодой доктор. – Долг завет.

– Вас пациенты ждут. – сказала Света. И тяжело вздохнув, добавила. – А я даже и не врач.

– Это так. – сказал доктор Раздолбаев. – Вы еще не врач. – он сделав паузу, он сказал. – Но что Вам мешает стать врачом? Ничего.

– Вы правы. – сказала Света. – Мне ничего не мешает... – тут она не закончила свое предложение. Она просто не знала, что сказать еще. Ведь человеку ничего не стоит сделать что-либо, и лишь отсутствие средств не дает воплотить нашу мечту в реальность. Вот и Света не знала что ей делать? Ведь учение тогда стала платным, даже уже с образованием. Денег как не было, так и нет. Затем Света добавила. – Я могу выучиться. – затем она добавила с сожалением. – Но это невозможно. – Она тяжело вздохнула, а затем добавила. – Сейчас можно лишь купить диплом, никто бесплатно учиться не направит. – она горько ухмыльнулась. – Жаль что это так, а не иначе. Сейчас, деньги решают все.

– Да. – был солидарен со Светланой, доктор Раздолбаев. – Сейчас, в этой стране деньги решают все. – затем он сказал. – Вот и за примером далеко ходить не надо. – Вот эта, из Восемнадцатой палаты, девочка. Мне жаль ее. У нее порок сердечной мышцы. – он сделав небольшую, грустную паузу, сказал. – Ей скорей нужна операция, а за нее надо платить. – затем он подчеркнул. – Платить большие деньги – в долларах. Ну где их взять? – усмехнулся он. – Наверное выход лишь один. Дьяволу душу продать! – затем он махнул рукой. – да поможет ли? Вряд ли? – Он немножко помолчав, сказал. – Лично я хотел бы открыть бесплатную больницу – красный крест. Я бы никому не отказывал ни в чем, и делал бы операции бесплатно. – затем он сказал. – Но это невозможно. – он тяжело вздохнул, сказал. – Сами доктора не позволят. Кому выгодно лечить бесплатно? Только за доллары, и никаких компромиссов. – затем он как бы с упреком сказал. – А еще доктора называются? «Клятву Гиппократу давали», – затем он со злобой сказал. – Да им нелюдей лечить, им бы в бизнесе, рэкетирами быть, и то честней было б.

– Я слушаю, и мне страшно. – сказала Света. Она не понимала, что это возможно. Света думала. – «Врачи должны лечить больных бесплатно, а не пользоваться положением». – Я могу рассказать много историй в которых доктора брали взятки, брали деньги за операции, и за несуществующие болезни. После распада СССР, медицина стала неконтролируемая. Начали покупать дипломы, и открывать свои частные клиники. Леча от несуществующих болезней, брали только деньги. Обдирали людей, а те дураки, сами несли им деньги. И ничего с тех пор не изменилось. Русские как верили в русский авось, так и верят. Что сказать тут? Дураки, и все тут. Света сказала. – Неужели врачи такие?

– К сожалению, – с горестью сказал доктор Раздолбаев. – так оно и есть. – подтвердил он.

В это самое время, по громкой связи снова объявили:

«Доктора Раздолблена просят пройти в операционную».

Света сказала:

– Вам надо идти.

– Да. – сказал доктор Раздолбаев. – Пора.

Света сказал:

– Я сегодня вечером свободна.

– Тогда, до вечера, дорогая. – нежно сказал доктор Раздолбаев. Затем он добавил. – У меня операция, – он сделав паузу, добавил. – Значит до вечера.

– До вечера.

В это самое время, по громкой связи снова объявили:

«Доктора Ирвина Эдвардовича Раздолбаева ждут в операционной». – затем голос добавил, как бы в скверную шутку. – «Если, в эту самую минуту, доктор Раздолбаева не будет в операционной, то третьим он уже не будет». – затем голос подтвердил. – «Никогда».

Ирвин Эдвардович воскликнул:

– Ну что же за день-то такой? С поговорить та спокойно не дадут. – затем он сквозь зубы выдавил. – Сволочи.

Он вышел из кабинета, и пошел в операционную, а медсестра Света, сказала:

– Все Вы мужики одинаковы. Говорите одно, а делаете совершенно иное. – затем она сказала сама себе. – Хорош доктор-красный крест. Его в операционную вызывают, а он здесь со мной говорить изволит. Говорит, что врачи только за деньги работают, а сам? Уверенна, если бы за операцию платили, то он давно бы там был, в операционной. – затем она выругнулась. – Скотина. – затем она с возмущением ругая себя, произнесла. И я еще с ним должна принять его приглашение прогуляться с ним. – она выйдя из кабинета, и захлопнув дверь, добавила. – Обойдется, скотина. А еще клятву Гиппократу приплюсовал, скотина. – затем она направилась дальше, в сестринскую.

Мария лежала в реанимации. Она все думала про тот сон, который ей приснился этой ночью. Не зная о чем ей и думать? Она думала о самом плохом. Ее женское сердечко подсказывало ей, что этот сон снился ей не так просто. Он что-то значил.

«Этот джип». – думала Мария. – «Он», – да, он причинил ее сестре боль. Он был виновником в ее смерти. – «Неужели это так оно и есть?» – с ужасом думала Мария. Она не верила в это. У нее теплилась надежда, что Эльвира жива! Она ждет ее, и вскоре, когда она встанет с этой больничной койке, она поедет к ней, Эльвире. И там, в штатах они встретятся, и обнимут друг друга. Все будет в порядке, и Мария вместе со своей семьей будет жить в Америке.

Но это только мечты, надежда. Реальность же, довольна жестока. Все то, во что мы верим, все эфемерно. Мы стараемся не думать о плохом. Убеждаем себя в обратном. Но как бы мы ни пытались себя убедить в чем-нибудь хорошем, реальность говорит нам об обратном.

Итак, начнем с того, что после того как Мария поступила в больницу с сердечным приступом, после этого Вероника связалась по телефону Марии с ее мужем, Петром Романовичем Головократовом, и сообщила ему о том, что случилось с Марией. Тот не медля ни минуты, взяв с собой Аврору, приехал к вечеру, часам к шести, в Москву, и взяв такси приехал к Веронике Васильевне. Вероника Васильевна, рассказала Петру Романовичу о случившемся, а тот в свою помчался в больницу, и узнал о состоянии Марии. Доктор сказал:

– У Вашей жены порок сердечной мышцы.

– Что это значит? – поспешно спросил Петр. – Это излечима?

– Ее состояние очень плохое. – сказал Виктор Дмитриевич. – По-видимому она никогда не лечилась. – он сделав паузу сказал. – Некоторые болезни невидимы. Мы их не чувствуем, а они есть. – затем он сказал. – Мария Вениаминовна очевидно страдала сердечной недостаточностью. – затем он спросил. Петр Романович, Вы замечали у Марии Вениаминовны частое сердцебиение?

– Да. – сказал он. – Моя жена иногда жаловалась на частое сердцебиение.

Виктор Дмитриевич спросил:

– Что она принимала при этих приступах?

– АНАПРИЛИН, если не помогал, Корвалол.

– Она обращалась к специалисту?

– Да, обращалась.

– И? – настороженно поинтересовался Виктор Дмитриевич. – Что он ей прописывал? Какие он делал обследование?

– Он прописывал покой и тишину. – ответил Петр Романович. – Говорил, чтобы принимала ПАНАНГИН, прописал РЕБОКСИН. – «Эти препараты, АНАПРИЛИН, КОРВАЛОЛ, ПАНАНГИН, РЕБОКСИН. Из серии сердечно-сосудистых препаратов». – Они конечно помогали.

– Это все, что Марии Вениаминовне прописывали?

– Все.

– Хорошо. – ответил Дмитрий Романович.

– Скажите, доктор, у Марии есть шанс выкарабкаться из этой ситуации?

– Что ж, скажу Вам честно. – начал доктор свою речь. – Что касается Вашего вопроса по поводу здоровья Марии Вениаминовны. – он сделал паузу, а затем сообщил печальный исход. – Если Марии Вениаминовне не сделать операцию, причем срочно, то она умрет. – он тяжело вздохнул, а затем с горестью развел руками, и добавил. В России таких операций не делают, только за границей. В Германии или в Америке.

– Понимаю. – сказал Петр Романович. – Все упирается в одно. – он нахмурился, и бросил. – Деньги, будь они неладны. Деньги, и только деньги.

Виктор Дмитриевич сказал:

– Нужно порядком сто пятьдесят тысяч долларов.

Петр Романович тупо посмотрел на доктора.

– Где же я их возьму?

– Это не моя проблема. – сказал Виктор Дмитриевич, а затем добавил. – Поверти, если б в России проводились подобные операции, то мы их сделали.

Петр Романович заплакал.

– А еще говорят, – начал он горько, с долей иронией. – что советская медицина, самая лучшая медицина в мире.

– Советская? – согласился с Петром Романовичем, Виктор Дмитриевич. – Может быть? – затем он опроверг свое предположение. – Российская медицина – нет.

– Это точно. – с горестью согласился Петр Романович, с Виктором Дмитриевичем. – Российская медицина скорее в могилу положит, чем вылечит. – а в дополнение к этому он сказал. – Попробуй что-либо выпроси бесплатно, только за свой счет. А денег нет. Вот и умирают люди как мухи. А еще самая надежная медицина считается. Хапуги, и только. – закончив мысли вслух, Петр Романович спросил. – Могу ли я видеть мою жену?

– Нет, – ответил Виктор Дмитриевич. – к ней нельзя. – затем он сказал. Лучше подумайте, где взять деньги на операцию Вашей жены, а об остальном мы позаботимся.

– Я Вас понял, доктор.

Вероника Васильевна подошла к Петру Романовичу. Вероника Васильевна сочувствовала Петру Романовичу. Она понимала, что тот, если б мог, сделал бы все, чтобы сделать операцию Марии Вениаминовне. Но что можно сделать, если деньги нужны сейчас, а их просто нет. Нет, потому что нет. Их просто нет, не заработал Петр Романович даже на пропитание. Их с женой зарплаты хватало, чтобы только оплатить коммунальные услуги. Вот и живи после этого. Как жить? Чем питаться? На эти вопросы нет ответа. Только приговор. Приговор – смерть.

– Мы ничего не можем сделать в этой ситуации. – сказала Вероника Васильевна. – Нам стоит уповать только на чудо, и человеческую сострадательность.

– Где она, человеческая сострадательность? – плакал Петр Романович. – Где она, человеческая милосердность? – он посмотрел в глаза Вероники Васильевне, и та увидела, что из его глаз текут горькие слезы. – Мы забыли, что есть такое, милосердие. Что есть сострадание. Для человека в этом мире главное только одно, – он сделав паузу, харкнул. – деньги. Деньги, будь они трижды прокляты. – усмехнувшись, Роман Петрович иронически, словно смеясь, сказал. – Ну куда без этих бумажек. Они даже жизнь продлевают, и лишь владеющий ими становится полноправным гражданином этой страны. – он сделав паузу, добавил с жестокой ненавистью и презрением к ним. – А у кого их нет, тот просто изгой общество. Живи как можешь, а кто не может так жить, то и умерев никто о нас не вспомнит.

– Вы неправы. – поспешила сказать Вероника Васильевна. – Люди не такие. – она сделав паузу, добавила. – В них есть человечность.

– Сами-то верите, в то что говорите? – усмехнувшись он добавил. – человечность удел нищих, да и то, когда они в беде. Да и то, беда беде рознь. – он сделав паузу, сказал. – Вот кто-нибудь попадет в беду, а его лучшей друг или подруга, злорадствуют. – Вот мысль, беда не камне престала, прошла меня стороной. Пусть уж этот человек страдает, чем я мучатся стану. – Такие мысли или подобные им возникают у человека, когда он не в чем небывало, а у его скажем соседа дача сгорела. И не просто сгорела, а подожгли ее, чтобы избавиться от надоедливых соседей, а землю перепродать втридорога. – он сделав паузу, усмехнувшись, добавил. – А Вы говорите человеческие люди? – Затем он сказал. – Человечности в людях нет. Есть только злоба и ненависть друг к другу, а любят они лишь одно. – он сделав однозначную паузу, сказал. – Зеленные банкноты, с президентами на них. И попробуйте возразить мне. Не можете, то та. – затем он добавил. – Вы же журналистка. Пишите о многом. Скажите, в Ваших статьях неужели все люди человечны? Что-то мне это верится с трудом.

Вероника Васильевне не было что сказать. Она просто не знала, что ответить разбитым горем человеку, который вот-вот потеряет свою жену, и мать их дочери, Авроры.

– И все-таки Вы неправы. – возразила ему она. – В людях еще осталось что-то человеческое. – затем она повторилась. – Что-то осталось.

– Тогда, может быть Вы подскажите, у каких хороших людей можно найти такую сумму, сто пятьдесят тысяч долларов. Кто мог бы пожертвовать этой суммой ради спасения человека, которого они даже не знают? Молчите. Вам нечего сказать? – он сделал паузу, добавил. – То та и оно.

Вероника Васильевна тяжело вздохнула. Ей нечего было сказать. Да и говорить та было нечего. Сейчас она хотела только одного, как можно скорее уехать из больницы. Уехать домой вместе с Петром Романовичем. Он должен был хотя бы на время забыть о произошедшем. Забыть о том, что он здесь, в этой больницы, и его жена Мария находится здесь в коме. Что будет дальше? Этого не знаю даже я. Одно могу сказать точно, Петр Романович сделает все, чтобы его жена не умерла. Она сказала:

– Поехали домой. Здесь нам пока нечего делать.

– Хорошо. – согласился Петр Романович. – Аврора уже заждалась нас.

Они вышли из больницы, и поймав такси, поехали домой к Веронике. Они ехали молча. Никто не хотел и не мог говорить о том, что произошло сегодня. Они надеялись, что Мария придет в себя, и впившийся из больницы снова окажется в их семье. Что касается операции, то можно было попробовать попросить ТВ ЦТ, чтобы те рассказали о случившемся своему зрителю, и если Вероника окажется правой, то деньги собрать будет легче чем поле перебежать. Если этого не произойдет, то проблема останется актуальной, а о деньгах можно будет забыть.

Размышляя на эти тему, наши герои приехали к дому Веронике, где в ее квартире их ждала Аврора.

Глава 5

Мы никому не нужны, только семье

Итак, приехав домой к Веронике Васильевне, Петр Романович был просто разбит. Он не мог думать не о чем кроме лишь ободном. О том, где взять деньги для своей жены Марии Вениаминовне, чтобы сделать ей операцию. Сумма была просто заоблачная – сто пятьдесят тысяч долларов. Где взять такие деньги? Петр Романович, конечно он не знал. Он также не знал, если он обратится на телевидение, то поможет ли это в его горе? Возможно люди и помогли б. Ведь каким бы ни был жестокосердным людская диаспора население страны, возможно у них еще осталась сострадание? Но, если люди уже стали жестокосердными, и чувство сострадание у них сгнуло в лету, то это был просто конец.

«Мы убиваем самих себя». – думал Петр Романович сидя на кресле. – «Человек – враг самому себе. Он просто убивает сам себя. Убивает ту любовь, которая дона ему матушкой природой. Духовная красота быстро исчезает, когда ее замещает другие боги. Жестокость, жадность, алчность, ненависть, лицемерие, тщеславие, предательство, прелюбодеяние, чревоугодие, обман. Боги греха – пороки человеческой слабость. Мы не замечаем, как они стучатся к нам в дом. Мы выпускаем их, и они овладевают нами. Мы – люди подчиняемся им, и вскоре наше сердце ожесточается. Оно превращается в камень. Становится тяжелым и неподъемным. Любовь становится ненавистью, сердце – камнем. Мы перестаем дорожить прекрасным, и любим только зеленые бумажки с изображенными на них президентами, а лучше самбй королевой. Ведь фунты – самая дорогая валюта, которую знает советский, а потом российский народ. Но все держат у себя закопанные от чужих глаз, и от налоговой инспекции, в стеклянной банке лишь одни доллары. Страшно. Страшно что мы такие. Мы стали никем. Сидим в своих особняках, и думаем, как бы нас ни обокрали? Мы отдали свое сердце злomu волшебнику, и тот дал нам золото. Кто-то сказал, что богатых людей сейчас просто назначают. Это лишь должность, и боле ничего. Мы живем, но счастливы мы? Это вряд ли?» – это размышление по поводу счастья, Петр Романович не окончил. Он думал об этом, и ужасался. Ужасался тому, какие мысли ему сейчас лезли в голову. – «Если в библии написано семь смертных грехов, то на практике их гораздо больше». – тут, неожиданно, ему на ум пришел Ницше, и его самый известный афоризм «Безумный человек». Этот афоризм написан в его книге из «Веселой науке». Итак, я этот афоризм напишу полностью, так как он написан самим Ницше.

Афоризм № 125 из книги «Веселой науки»

Безумие человека

Слышали ли Вы о том безумном человеке, который в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на рынок и все время кричал: «Я ищю Бога! Я ищю Бога!» Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот. «Он что, пропал?» – сказал один «Он заблудился, как ребенок, – сказал другой. – или спрятался? Боится ли он нас? Пустился ли он в плавание? Эмиграцию?» – так кричали и смеялись они в пересмеишку. Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом. «Где Бог? – воскликнул он. – Я хочу сказать Вам это! Мы его убили! Но как мы его убили – Вы и Я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда

*теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном НИЧТО? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли средь бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребаяющих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? – и боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами – кто смоеет с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные игры нужно будет придумать? Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться к богу, чтобы оказаться достойными его? Никогда не было совершено дела более великого, и кто родиться после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!» Здесь замолчал безумный человек и снова стал глядеть на свои слушателей; молчали и они, удивленно глядя на него. Наконец он бросил свой фонарь на землю, так что тот разбился вдребезги и погас. «Я пришел слишком рано, – сказал он тогда, – мой час еще не пробил. Это чудовищное событие еще в пути и идет к нам – весть о нем не дошла еще до человеческих ушей. Молнии и грому нужно время, свету звезд нужно время, деянием нужно время. После того как они уже совершены, чтобы их увидели и услышали. Это деяние пока еще дальше от Вас, чем самые отдаленные светила, – и все-таки Вы совершили его!» Рассказывают еще, что в тот же день безумный человек ходил по различным церквам и пел в них свои *Requiem aeternam Deo* (Величие памяти Богу). Его выгоняли и призывали к ответу, а он ладил все одно и то же: «Чем же еще являются эти церкви, если не могилами и надгробиями Бога».*

Этот афоризм Ницше как нельзя лучше отражает саму человеческую сущность. Мы забываем о том, что есть красота, а вместе с ней убиваем Бога. Ведь Бог это и есть красота человечество. И лишь когда мы забываем его – Бога, и выбрасываем его из своего сердце, а вместо него мы обращаемся к иным богам, человеческая красота исчезает, а вместо нее приходит лишь опустошенная злость и ненависть ко всему. Ведь бога с нами уже нет.

Тут можно процитировать еще один афоризм Ницше из книги «Веселая наука».

Афоризм № 108 из книги «Веселой науки»

Новая борьба

По смерти Будды, еще в продолжение целых столетий, показывали в пещере его тень. Умерло божество, но, пока существует род человеческий, может быть, целые тысячелетия будет существовать пещеры, в которых будет показывать его тень. И мы должны еще будем побеждать эту тень.

Тень – это метафора, но она реальна. Ведь искушения всегда рядом, а устоять так сложно. Ведь грех поначалу так сладок, и лишь потом мы ощущаем его горькую сущность. Хотя, для многих людей эта горькая сущность в радость. Они наслаждаются теми поступками, которые они совершают. Зло – это неотъемлемая часть их жизни, их существование. Они готовы пойти на все, чтобы зло восторжествовало, а добро в их сердцах умерло. Сгинуло безвозвратно. И

всему веной лишь деньги. Деньги – бич общество. Они властвуют над нами, без них никуда. Даже в туалет не сходишь, а уж он та должен быть бесплатным, не так ли?

Так что убив бога в самих себе, мы его просто заместили. Заместили иным богом, тем, что называется одним словом, валюта.

В это самое время, когда Петр Романович рассуждал на эту тему, к нему подошла Вероника Васильевна. Она видела, что Петру Романовичу не по себе. Он как будто находится далеко, где-то там, в своем мире, в мире известном лишь только ему. Она села рядом с ним, и положив свою теплую руку ему на плечо, тихим голосом спросила:

– С Вами все в порядке?

Тот посмотрев на Веронику Васильевну, и та увидела на его глазах слезы. Горькие слезы отчаяние. Было понятно, что Петр Романович не знает, что же ему делать? Где взять деньги на операцию Марии Вениаминовны? Он просто не знал, где можно их взять? Да честно говоря, и брать-то было негде. Его коллеги не были богаты, а если взять деньги с родителей абитуриентов, то вряд ли они дадут такую сумму, а если дадут, то скажут, что и учиться не стоит. Просто дайте диплом об окончании, и все тут. А учиться вовсе не надо. Ведь кто будет жить на зарплату? Только дураки? Умные же свой бизнес откроют, а диплом, так, для отвода глаз. Конечно если во власть не идти, да и там... что ни говори, свой контингент, а остальные главой округов станут, и заместителями. Но и там можно развернуться, в ущерб не останешься. Только чтобы жалоб не было, а на остальное начхать.

Петр Романович ответил:

– Я в порядке. – он сделала долгую, тяжелую паузу, затем признался. – Я не знаю, что мне делать? Где деньги взять? – тут он неожиданно вспомнил, и сказал. – Если только Эльвира поможет?

Вероника спросила:

– Кто такая Эльвира?

– Эльвира, это знакомая Марии, ее сестра. – сказал он. – Живет она в Америке. Вчера Мария получила письмо от нее. Она приглашает нас к себе.

– А Вы?

– Вчера решили поехать, – сказал он. – а сейчас не знаю, выпустят ли ее в таком состоянии?

– Конечно выпустят, если нужна операция? Что за разговор?

– Проблема в том, – начал Петр Романович, что Эльвира приглашала нас в гости, никак на лечение.

– Вы думаете, что она не согласится принять свою сестру в ее положении?

Петр Романович развел руками, сказал:

– Черт ее знает? Какая она? Сестра.

Тут Вероника Васильевна неожиданно спросила:

– У нее есть телефон или компьютер?

– Наверное? – растерянно сказал Петр Романович. – А Вам зачем?

– Позвоните ей или напишите по электронной почте. – дала идею Вероника Васильевна, Петру Романовичу. – Объясните ей всю ситуацию. – затем она однозначно с решимостью сказала. – Она поможет, – затем добавила. – я знаю.

Петр Романович посмотрев на Веронику Васильевну, сказал:

– Я не могу этого сделать.

Та удивленно спросила:

– Почему?

– Я не могу просить об этом Эльвиру.

– Но почему? – снова не понимала Вероника Васильевна. – Почему не можете?

– Я не могу принять помощь от малознакомого человека.

Вероник поняла Петра. Она тоже не любила принимать помощь от кого бы то ни было, но сейчас был не тот случай. Мария умирала, денег на ее лечение не было, а Эльвира была единственной кто мог помочь.

– Значит лучше чтобы Мария умерла? – возмутилась Вероника. – Лучше чтобы ей не было сделано никакой операции? Пусть умирает! Денег-то нет. А кто может дать их, у того просить стыдно! Гордость не позволяет взять деньги на лечение? – Вероника усмехнулась. – Да что же Вы за мужья-то такие? Для Вас лучше, чтобы умер человек, чем в долг попросить? Не понимаю?

Петру нечего было ответить. Он знал, что Вероника права. Деньги были нужны. Но их нигде было взять, а попросить в долг, мешала гордость. Петр Романович сказал:

– Может быть Вы позвоните или по электронной почте направите Эльвире письмо, о том что произошло.

– А Вы? – спросила Вероника. – Почему не Вы?

– Я? – на секунду задумался он. – Вы спрашиваете почему я не могу позвонить ей или направить письмо по электронной почте? – он сделал паузу, добавил. – Я просто не хочу чувствовать себя слабым. Ведь попроси я деньги, я буду чувствовать себя никчемным.

– Это не так. – возразила Вероника. – Нет ничего постыдного чтобы попросить в долг на лечение своей семьи.

– А если не дадут? – тотчас же сказал Петр. – Что тогда? – он сделал паузу, добавил. – Я сам себя возненавижу.

– Почему?

– Я точно знал, что мне денег не дадут, но я все же попросил их, а мне отказали. – затем он пояснил. – Это самое что ни на есть унижение. – затем он добавил. – надо мной будут просто смеяться, и всего лишь.

Вероника Васильевна тяжело вздохнула. Она понимала, что возможно Петр прав. Денег никто никогда не даст, просто посмеяться, и только. Скажут, что пришло время умереть. А еще небось добавят, что дышать легче станет после смерти этого человека. Нас ненавидят, и эта ненависть переходит к нам. Мы ненавидим тех, кто ненавидит нас. Хотим скорейшей их смерти. Мы даже пальцем не пошевелим, чтобы обуздать свою ненависть. А та в свою очередь все разрастается и разрастается. И в конце концов достигает таких необъемных размеров, что эта ненависть сжирает нас самих.

– Пусть так. – сказала Вероника. – Пусть будут смеяться, хохотать, злорадствовать. – она сделала паузу, добавила. – Зато Вы будете знать, что это не ваша вена, что Ваша жена умерла. – затем она произнесла. – Может быть эта цинично? Вы сделали все, чтобы спасти свою жену. – затем она показала рукой в сторону, и сказала. – А вот что сделали они чтобы спасти человека? – затем она добавила. – Ничего. – затем она сказала. – они смотрели как умирает Ваша жена, могли помочь, но не помогли. – затем она добавила. – Вот это и есть цинизм в чистом виде, чистое зло! Зло, в его естественном обликии. – затем она сказала. – Посмотрите на артистов, уж они за границей лечатся, а всем говорят, что плохо живут. Ну ни лицемеры же?

Петр Романович понимал, что Вероника Васильевна права. Что там дело до своей совести или самоуважение, когда близкий человек умирает. Он лежит на смертном одре, и ждет помощи от близких ему людей. А помощи нет. Она просто не пришла. Мы забываем о ней, когда кому-то плохо, и лишь когда мы сами нуждаемся в ней, а она не приходит, то мы понимаем, что испытывал тот человек когда ему так нужна была наша помощь. Он ждал ее, а она так и не пришла. Просто мы не пришли на зов помощи. У нас были свои дела, а чужие страдание нас не касались. Только свои утехи – тусовки по клубам, и зарабатывание денег. И лишь сейчас мы понимаем, что все то, что мы делали просто никому не нужно. «Здоровье не купишь», так говорится в пословицы. Как она правдива.

– Хорошо. – сказал Петр Романович. – Я отправлю E-Mail Эльвире.

– А позвонить не рискнете?

– У нас разные часовые пояса, – пояснил Петр Романович. – Да и за телефонный счет потом не расплатишься.

– И то правда. – согласилась Вероника Васильевна. – Лучше по электронной почте письмо направить, а то за телефон счет придет как за целую квартиру.

Петр Романович подошёл к компьютеру. Это был огромный ящик с телевизионным экраном, в виде телевизионной колбы. Громоздкий, дед стоял гордо на столе, и ждал, когда в его сознание заглянет человеческий разум. Вообще, я считаю, что компьютер умнее нас – людей. Мы лишь ему закладываем программу, а производит вычисления он самостоятельно. Помните фильм Терминатор? Там, герой Арнольда Шварценеггера ТЕРМИНАТОР, хочет убить Сару Конан. Единственную женщину которая может остановить его, родя спасителя. Конечно, этот сюжет взят из библии. «О спасителе». Но кто знает? Кто был такой – спаситель? Однозначно, он был лидером. Но кто нас спас? Он? Может мы сами? На этот вопрос нет однозначного ответа. Ну ладно, перейдем к этой истории. Итак, за компьютером сидела Аврора. Она первый раз видела это чудо техники. Она погрузилась в целый мир цифр. Единиц и нулей. Сейчас, когда она смотрела дисплей компьютера, она видела в нем напечатанную не так давно статью Веронике, о детской беспризорности. Прочтя эту статью, Аврора посмотрела на подошедшего к ней папу не понимающим взглядом, спросила:

– Кто такие беспризорники?

Петр Романович задумался. Он не знал, что ответить Авроре? Ее детский мозг еще не мог понять, что есть одиночество. Когда ребенка бросают все, и если не отдадут в детдом, то выбрасывают просто на улицу. – Живи как хочешь. Я родила, а остальное не моя забота. – так рассуждают новоиспеченные мамы которые залетели не желая того, а потом что? Об этом они не подумали.

Петр Романович сказал:

– Беспризорники – это люди которые не слушали своих родителей, и те отказались от них. – как мог объяснил Авроре ее отец. – Теперь они живут одни. У них никого нет, и только воспоминание о прошлой жизни поддерживает их жизненную силу. – он сделал паузу, а затем сказал. – Они хотят вернуться к своим родителям, но это невозможно.

– Почему? – спросила непонимающая Аврора. – Почему они не могут вернуться в семью?

– Просто, потому что ее нет. – ответил отец. – Может быть они и рады вернуться в семью, но это невозможно. – он сделав тяжелую паузу, посмотрел в глаза своей дочери, легонько улыбувшись, сказал. – Ах ты моя глупенькая.

Тут Аврора воскликнула:

– Папа прости!

Не понимая, что произошло, отец оторопел, и испуганно спросил:

– Что случилось?

– Я не послушала тетю Веронику!

Петр Романович не понимал:

– Да что произошло?

– Тетя Вероника мне сказала, чтобы я не трогала тут нечего, а я компьютер смотрела без ее разрешения. – затем она спросила. – Теперь я стану беспризорной?

Петр Романович облегченно улыбнулся. Он обнял дочь, и нежно сказал:

– Конечно нет. Это просто глупость.

– Но ты сказал, что...

– Мало ли что я сказал. – поспешно ответил отец, а затем добавил. – Мы с мамой тебя любим, и ни за что никому не отдадим. – затем он добавил. – А беспризорной ты никогда не будешь, обещаю это. – затем он сказал. – А сейчас дай папе поработать с компьютером.

Аврора побежала на диван, и сев в него, взяла лежащий на нем какой-то журнал, и открыв его, увидела фотографию какой-то женщине в белом халате. Затем она посмотрев на титульный лист, прочла название журнала «Здоровье».

Тем временем, Петр Романович открыв свой почтовый ящик, направил электронное письмо Эльвире. В котором было сказано.

E-mail: – письмо

– Здравствуйте Эльвире. Пишет Вам Петр Романович Головократов. Пережду сразу к сути. Моя жена, Мария Вениаминовна лежит на больничной койке. У нее сердечный приступ. Врачи говорят, что нужна срочная операция, но ее в России не делают. Мне сказали, что ее можно провести в Америке, но она стоит сто пятьдесят тысяч долларов. Я не знаю куда обратиться. Я просто в отчаянии.

Прошу Вас уважаемая Эльвире Илларионовна, нет, я Вас умоляю! Помогите Марии.

С уважением к Вам Петр Романович Головократов

На этом письмо было окончено. Петр Романович нажал кнопку ENTER, и электронное письмо было отправлено на электронную почту Эльвире Илларионовны.

«Ну вот и все». – отправив электронное письмо Эльвире, подумал Петр Романович. – «Я это сделал» – затем он подумал – «В конце-то концов, жизнь стоит дороже чем унижение ради денег». – он встал со стула, и подойдя к дочери, спросил:

– Что читаешь?

Аврора показала отцу журнал, на обложке которого было написано, «ЗДОРОВЬЕ».

Петр спросил:

– Ты что-нибудь понимаешь?

Аврора отрицательно помотав головой, сказала:

– Нет.

– Тогда почему бы не почитать книгу твоего возраста?

– Эта интересней. – затем она спросила. – Мама к нам больше не вернется?

– С чего это ты взяла?

– Я знаю. – сказала Аврора. – Мама лежит в больнице.

– Кто тебе это сказал?

– Я это знаю. – ответила маленькая Аврора. – Я уже достаточно взрослая, чтобы понять это.

– Глупости. – отпарил Петр Романович. – Из больниц возвращаются. – затем он объяснил. – В больницу ложатся чтобы поправить здоровье, а не умереть.

– Папа! – воскликнула Аврора. – Мне страшно!

– Не бойся. – успокаивал дочь отец. – Наша мама сильная, успокаивал он и себя. – Она обязательно выкарабкается.

Тем временем, Мария Вениаминовна очнулась в больничной палате. На ней была надета кислородная маска, а к ее телу были подключены множество контактов. Некоторые из них следили за ее давлением. Некоторые находились в ее теле, и через них в ее организм поступали медицинские препараты. Открыв глаза, Мария увидела белый потолок. Она не понимала, что с ней происходит? Не понимала, как она оказалась здесь? Она попросту не помнила ничего. Последним ее воспоминанием был факт ее плохое самочувствие. Она помнила, как она разговаривала с Вероникой. Смутно помнила, как она потеряла сознание. А дальше пустота. Провал в памяти. Она не помнила ничего с того самого времени, как потеряла сознание. Как она

оказалась здесь? И что это за место? Этого Мария не знала. Тут ее внимание переключилось на одно обстоятельство. Дело в том, что она после того, как потеряла сознание, увидела следующее. Это был словно сон наяву. Все то, что она видела было реалистичным. Можно было все принять за чистую реальность. Что же она видела?

Прошел час, прежде чем доктор Дмитрий Романович позвонил Веронике Васильевне и Петру Романовичу.

– Алло. Это Вероника Васильевна. Это Дмитрий Романович. У меня хорошая новость. Мария Вениаминовна пришла в себя. Ее состояние стабильно тяжелое, но кризис позади.

Петр Романович спросил:

– Ее можно видеть?

– К сожалению, нет. Но Вы можете приехать в больницу завтра, я постараюсь Вам помочь.

Эта ободряющая весть подняло настроение Петру Романовичу, и Вероники Васильевне.

Они теперь точно знали, что Мария Вениаминовна выкарабкается. Кризис прошел. Теперь зависит все только от силы воли Марии. Ну а ее у нее было хоть отбавляй.

Аврора подбежала к отцу, и дергая его за брюки, спросила:

– Мама, что с ней?

– Все в порядке. – сказал Петр Романович. – Наша мама очнулась.

– Ее я увижу?

– Да. – сказал он. – Завтра мы к ней поедem.

– А почему не сейчас?

– Сейчас поздно. – сказала Вероника Васильевна. – Нас просто к ней не пустят, да и спит она. – затем она сказала. – Сон для нее сейчас самое лучшее лекарство.

– Ура! – воскликнула Аврора, и побежав смотреть телевизор, воскликнула. – Завтра я увижу маму!

Тем временем, Петр Романович обратившись к Веронике Васильевне, сказал:

– Мне очень неудобно. Мы рассчитывали провести несколько часов, а получилось...

– Ну что Вы! – перебила Петра Вероника. – Вы ничуть меня не стесняете. – затем она сказала. – Оставайтесь.

На утро Вероника Васильевна позвонила в редакцию журнала «МОЛОДЕЖЬ ПРОТИВ», и узнала, что ее шеф-редактор Вадим Николаевич Раппопорт, принял решение поместить ее статью на первую страницу журнала. Он говорил:

– Это будет бомба. Да, статья прекрасная! – затем он сказал. – Правда мне уже звонили, и... но не будем об этом.

Тут Вероника Васильевна спросила:

– Кто Вам звонил?

– Я что, сказал звонил? – попытался возразить Вадим Николаевич. Он не хотел говорить о своих проблемах. В конце-то концов это неважно, кто ему звонил? Он был обязан опубликовать эту статью, и он это сделает. – Вы ослышались. – возразил он. – Я сказал... – он хотел подобрать слова в опровержение своего слова, но не мог этого сделать. Он просто не находил подходящего слова, и все. Не найдя слово, он спросил. – Я слышал, что вчера Ваша машина взорвалась? Вы не пострадали?

– Я цела. – ответила Вероника. – Не пострадала.

– Что у Вас произошло?

– Утечка бензина.

– Я посоветовал бы Вам проверить машину, прежде чем в нее садиться.

– Я так и сделаю.

Затем он сказал:

– Я бы вообще пересел на метро.

– Почему?

– Люблю метро. – сказал он, а затем предложил. – А не хотите в отпуск, в деревню?

Вероника понимала своего шефа. Он хотел чтобы пока все не утихнет, все кто был в той или иной мере причастен к этой статье уехали б от греха подальше. Много недовольных будет после ее опубликование. Много голов полетит, а крайнего найдут, и с ним никто церемонница не будет. Его просто посадят, а затем убьют. Да и до суда он не доживет. Все это она понимала.

– Хорошо. – сказала она. – Я сегодня заеду в редакцию, напишу заявление. – затем она сказала. – Я уже два года в отпуске не была, пора и на курорт махнуть.

– Жду. – сухо сказал Вадим Николаевич, и положив телефонную трубку на телефонный аппарат, сказал. – Вот и ладненько.

После того как Вероника поговорила по телефону, он положив телефонную трубку на телефонный аппарат, и посмотрев на часы, которые показывали три четверти десять, пошла в кухню, где поставила чайник на плиту, и пойдя в комнату, услышала голос Петра Романовича.

– Который час?

Вероника подошла к двери второй комнаты, и постучав в дверь, спросила:

– Можно войти?

– Да. – услышала она в ответ. – Входите.

Войдя в комнату, она увидела стоящего у окна Петра Романовича. Она подошла к нему, и посмотрев на него, спросила:

– Как дела?

Тот посмотрел на нее, и сказал:

– Нормально. – затем он тяжело вздохнув, добавил. – А вообще какие могут быть дела? – он сделав тяжелую паузу, и посмотрев на лежащую на диване дочь, сказал. – Аврора может без матери остаться, а Вы спрашиваете, как дела?

Понимая его состояние, Вероника тихо сказала:

– Это не так. Марии стало лучше, скоро пойдет на поправку.

– Вы сами-то в это верите? – спросил Петр Романович. – Мы вчера были в больнице, и нам ясно сказали, что Марии нужна операция за границей, а она сто пятьдесят тысяч долларов стоит. – он сделал грустную паузу, и разведя руками, добавил. – Ну где взять деньги такие?

Вероника знала, что Петр прав. Деньги взять было ниоткуда нельзя. Их просто не было. Вся надежда была только на Эльвиру Илларионовну, сестру Марии Вениаминовны.

Вероника сказала:

– Вы правы, деньги взять неоткуда, надежда только на благотворительность и милосердие людей. – затем она напомнила. – Мы вчера обсуждали помощь со стороны Эльвиры. – затем она спросила. – Вчера Вы отправили ей электронное письмо?

Петр посмотрев в глаза Вероники, увидел в них желание поскорей узнать об этом письме. Она надеялась, что вчерашний разговор не пропал даром. Он должен был отправить электронное письмо в Америку. Он должен был описать всю проблему. Ведь Эльвира Илларионовна была ее сестрой, а как не помочь сестре? Тем более она в беде, на пороге смерти! Петр заинтересовался:

– Скажите, Вы хотите помочь сестре или получить деньги от ее сестры?

Этот вопрос оскорбил Веронику. Она хотела помочь Марии, а не наживаться на ее смерти. Она возмущено, выстрельнула:

– Да как Вы можете?

– Я могу. – ответил Петр Романович. – Она моя жена! – заявил он. – И я не позволю наживаться на ее горе.

– Я этого и не собиралась. – оскорбленно отпарила Вероника. – Если Эльвира согласится помочь, то деньги сразу же перечислит насчет больницы в которой будут проводить операцию. – затем она сказала. – Мы с Вами даже цент из тех денег не увидим. – затем она твердо заявила. – Так что денег нам даже если предположить, что это возможно, нам не врать.

Петр задал провокационный вопрос:

– А если это было возможно? Вы бы взяли деньги?

– Нет. – твердо заявила Вероника Васильевна. – Если б я это сделала, я бы себя не простила. – затем она добавила. – Я перестану себя уважать. – затем она сказала. – Я тогда уподоблюсь тем, – она показала рукой в сторону. – кто ворует у убогих. Чем я стану их лучше? Ничем. Только стану убийцей.

– С чего Вы это взяли?

– Ну как же? – удивилась Вероника Васильевна. – Я возьму, то есть украду деньги, предназначенные для операции, а человек недоедавший ее, умрет. – затем она сказала. – Вот так-то и в убийцу превратишься.

– Вы правы. – согласился Петр Романович с Вероникой Васильевной. – Так не то что в убийцу, а человеческий облик потерять можно. – затем, извинившись, он сказал. – Ваша правда Вероника Васильевна. «Люди теряют человеческое обличье сами того не понимая», – затем он сказал. – Вчера я отправил по электронной почте письмо Эльвире. – он сделав паузу, добавил. – Должно быть уже она ответила.

– Так давайте посмотрим почтовый ящик.

– Давайте. – грустно сказал он. Он не верил в то, что Эльвира поможет им. Ведь сто пятьдесят тысяч долларов это о громаднейшая сумма не только для России, но и для америки тоже. – Хотя мне не верится, что она нам поможет.

Вероника Васильевна заметила:

– Надежда есть всегда.

А Петр, поддерживая Веронику в ее вере, добавил:

– Она умирает последней.

Вероника предложила:

– Тогда посмотрим?

– Что ж, – равнодушно уныло сказал Петр. – Посмотрим.

Они вышли из комнаты, и войдя во вторую, подойдя к компьютеру, Петр вскрыл свой почтовый ящик, и посмотрев на пришедшую почту, во входящей папке, он увидел письмо с пометкой; от Эльвиры. Они замерли. Никто из них не знал, что было написано в этом письме. Они точно знали, что оно от Эльвиры – из Америки, и все. Что было написано в этом письме? Никто из них не знал. Их сердца замерли, и посмотрев друг на друга, Петр нажал мышку на письмо, и электронное письмо обрело свое лицо. Они прочли:

Письмо

– Здравствуйте Петр Романович. Прочла Ваше письмо. Как здоровье Марии Вениаминовны? Надеюсь она скоро пойдет на поправку, и Вы приедете ко мне, в Америку.

Что касается операции на сердце, то не волнуйтесь. В Америке высоко квалифицированные специалисты. Так что приезжайте как можно скорей. Дело не может долго ждать своей очереди.

Сообщите мне, где сейчас лежит Мария Вениаминовна. Я свяжусь с ними. Мой адвокат уладит дела связанные с финансами. Так что не волнуйтесь, все будет хорошо.

Ваша Эльвира

Прочтя это письмо, Петр Романович и Вероника Васильевна облегченно вздохнули. Теперь можно было не волноваться, что денег не будет. Нет, они будут. Эльвира поможет им. Она пришлет своего адвоката, и тот уладит все вопросы. Да, это так. Они верили, что сестра

Марии ее не оставит в беде. И они не ошиблись. Марии предстояла операция в Америке, и она ее дождется. Многие позавидовали б ей. Хотели б оказаться на ее месте. Ведь только подумать, сделать операцию в Америке! А потом еще и реабилитационный курс пройти. Тут и здоровье можно поправить, и на страну поглядеть. Все за чужой счет. На халяву. А тут ходишь-ходишь по врачам, а те на нас внимания не обращают. Только деньги и способны вылечить человека, а врач только жаждет нахапать себе в карман, и не подавиться. Ведь только дурак может работать за гроши, умный даже пальцем не пошевелит.

– Я не ждал, что Эльвира откликнется на беду. – сказал Петр Романович. – Я думал, что она в своей Америке ни о чем кроме денег и не думает!

– Это в России деньги сгубили людей, – заметила Вероника Васильевна. – а в Америке деньги понятие относительное. – сказала она. – Там главное сам человек, а не его состояние.

– Может Вы и правы. – согласился с Вероникой Васильевной Петр Романович. – Не буду спорить. – затем он усмехнувшись сказал. – Представляю если у Русских попросить такую сумму? – затем он сиронизировал. – Они за копейку удавятся, ни то что операцию оплатить.

– Вы неправы. – ответила Вероника. – Люди все одинаковы, и...

– Что, и?

– Они, – продолжала говорить Вероника. – Все любят деньги. «Такие мы есть», – затем она сказала. – Но в каждом человеке живет сострадание и любовь. – она снова сделав паузу, добавила. – Может Русские и не дали б денег, так как их у них нет, но они хотя бы посочувствовали чужому горю.

– Вам бы Вероника Васильевна в монашки податься. – иронизировал Петр Романович. – Это у них милосердие и всепрощение наготове, а как денег попросить, так они в сторону. Только и говорят, что молиться будут за нас, а за эти молитвы еще и деньги берут. Так что Вероника Васильевна хватит мне на мозги капать со своим милосердием. Давайте рассуждать реально. Деньги в этом мире главное, а остальное купить можно.

Выслушав Петра Романовича, Вероника Васильевна посмотрев на него с упреком, спросила:

– За что только Мария Вас полюбила?

– Видимо ей нужен человек похожий на меня. – ответил он. – Тот, кто мыслит всегда рационально и порой жестоко. Да-да, жестоко. – подтвердил он. – Подумайте сами, смогла бы Эльвира помочь Марии если б у нее не было денег? Вряд ли. Она просто ушла б от ответа, и к себе в гости не пригласила б. Скажете я неправ? То та же, я прав, и Вы знаете это. Знаете, что я прав. – затем он добавил. – Знаете, я преподаю, и еще нормальных людей не встречал. Всем дипломы подавай, а учиться никто не хочет. Всем заработать деньги надо, а как это сделать? Только купив диплом. – затем он махнул рукой. – А остальное неважно. Только деньги главное, а остальное само придет. – он сделал долгую паузу, и добавил. – Вот такие пироги, и милосердие здесь ни при чем.

– Значит Вы считаете, что все можно купить? – разозлилась Вероника Васильевна. – Значит Вы считаете, что в России нет ничего святого?

– Сейчас, нет. – однозначно заявил Петр Романович. – Только деньги.

– Мне с Вами противно! – выбросила Вероника. – Как Вы можете!?

– Я, могу. – заявил Петр. – И Вы знаете, что я прав. – он сделав паузу, добавил. – Скоря все будет платно, даже роды. Вот увидите, я прав. И через какие-то там два – три года, мы окажемся в глубокой яме, из которой уже не будет никакого выхода. Только деньги будут способны вытащить нас оттуда. Смешно.

– Что тут смешного?

– Мы говорим о будущем нашей страны, о ее далеко идущих планах, но сами неспособны обеспечить свое будущее и будущее наших детей.

– С этим я пожалуй с Вами соглашусь.

– Папа! Я проснулась. – неожиданный голос ребенка привлек их внимание. В процессе спора они забыли, что рядом с ними спит Аврора. Аврора прыгнула с постели, и подбежав к отцу, спросила. – Мы сегодня поедим к маме?

– Да. – ответил ее отец. – сегодня мы поедим к маме.

Петр и Вероника переглянулись. Они были почему-то напуганы, что Аврора могла слышать их разговор. Петр Романович спросил:

– Сколько времени ты не спишь?

– Давно.

Вероника спросила:

– Наш разговор слышала?

– А-га. – ответила Аврора положительно покачивая головой. – Вы говорили о маме. То, что ей можно поехать в Америку к тете Эльвире.

Папа спросил:

– Больше ничего?

– Нет. – ответила Аврора. – Я слышала как Вы ругались. – и нахмурившись, она спросила. – Почему Вы ругались?

Вероника спросила:

– Ты что-нибудь поняла?

Та отрицательно покачивая головой, сказала:

– Не. – затем она куда-то убежала.

Тем временем Петр и Вероника посмотрели друг на друга. Он боялись, что Аврора поняла их разговор. Она была смышленной девочкой, и в свои года могла уже иметь свое мнение.

– Как думаете? – поинтересовалась Вероника у Петра испуганном шепотом. – Она что-нибудь поняла, о чем мы здесь говорили?

Петр пожал плечами.

– Вот говорили мне, чтобы не обсуждать дела при маленьких. – корила она себя за невнимательность. – Нет, все же говорим.

– Мы люди. – сказал Петр. – А людям как Вы сказали б, свойственно ошибаться.

Посмотрев на Петра, Вероника прочла в его глазах равнодушную усмешку. Этот камень был брошен в ее огород. В ее, ничей не будь, а именно в ее.

– Какая же Вы мразь. – сквозь зубы сказала она. – Она же Ваша дочь!

Петр сказал:

– Так пусть же узнает жизнь от меня, сейчас, чем от других, но потом.

Получив в эту секунду горячую оплеуху, и услышав от Вероники:

– Мразь. – она указала ему на дверь. – Пошел вон, мразь. Видеть Вас в моей квартире я больше Вас не желаю.

– Что ж, – сказал Петр. – я уйду. Но, прежде чем я уйду, хочу задать Вам один Вопрос.

– Какой?

– У Вас есть дети?

– Не Ваше дело.

– Значит нет. – догадался Петр. – Так как же Вы можете судить о моем воспитании Авроры, – укорял он ее. – если у самбй нет детей? – затем он вышел из комнаты, и крикнул дочери. – Аврора, собирайся. Мы едим к маме.

Оставшись одна, Вероника Васильевна не изменила своего мнение. Да, у нее не было детей, но она точно знала, что ругаться при детях нельзя. Мало ли что они подумать могут?

– Я права. – успокаивала себя Вероника Васильевна. – А Петр Романович ребенком не занимается. – решила она. – Он ему просто не нужен, и что случись с Марией, он быстро пристроит Аврору, отдаст в детдом. Я в этом уверена. – затем она вышла из комнаты и направилась в кухню, где всю свистел чайник с горячей водой, стоявший на плите.

В кухню вошел Петр. Он был не в себе. Разговор состоящий меж ним и Вероникой. Заставил его задуматься. Он все спускал на авось. Никогда по-настоящему не занимался ребенком. Он это знал, и теперь, после того как Мария Вениаминовна оказалась в больничной палате, а на него легла ответственность за воспитание ребенка, он не знал, что и делать? Как воспитывать Аврору? Он признал:

– Мы оба совершили сегодня ошибку, начав этот разговор в присутствии Авроры.

– Да. – ответила Вероника Васильевна неотрывная свой взгляд от стоящего на плите чайника. Она погасила конфорку, и сказала. – Мы оба сегодня совершили ошибку. Мы слишком громко говорили, спорили, по сути, ни о чем. Не удивительно, что в другой комнате, где спала Аврора наш спор был слышан. – затем она сказала. – Я надеюсь, что Аврора не слышала наш спор, а если слышала, то не поняла его.

Петр Романович сказал:

– Сегодня мы едим к Марии, – а затем поинтересовался. – Вы поедите с нами?

Вероника посмотрев на Петра, сказала:

– Конечно. – в эту минуту она осознала, что зря накричала на Петра. Он был не виноват, это она не закрыла дверь выходя из комнаты где спала Аврора. – Знаете. – сказала она словно извиняясь. – Мне ужасно стыдно, что я Вас обозвала... – тут она прикусила язык, не зная, что сказать.

А Петр Романович напомнив ей это слово, сказал:

– Мразью.

Та утвердительно виновато покачав головой, сказала:

– Мразью.

– Все мы сейчас находимся на нервах. – сказал Петр Романович. И подойдя к ней, он ее обнял, и сказал. – Мария всех нас на нервы подняла.

Вероника посмотрев на Петра, увидела в его глазах тоску и ласку. Было видно, что он хочет ее. Хочет забыть хоть на минуту о Марии, и быть с ней, с Вероникой.

– Не надо. – сказала Мария убирая его руки со своего тело. – Не надо. – снова сказала она, и напомнила ему. – Вы же женаты.

– Верно. – тихо вспомнил Петр Романович. – И в самом деле, женат.

Они еще с секунды-две смотрели друг на друга. Они понимали, что все то что сейчас здесь происходит, это ошибка. Ошибка которую возможно уже не поправишь. Все говорила о том, что Петр хотел Веронику. Но вероника была непреклонна. Она конечно хотела насладиться мужской лаской, но Мария! Она была женой Петра, и хоть находилась в палате, в коме, она была жива. А у Вероники было железное правила; с мужчинами, которые хотят лишь забвения и не быть обязанными, тем более если они женаты, дело никакого не иметь. А тем более с мужем своей подруге. Это она считала, подло и безнравственна.

Хотя порой ей сдерживаться было, честно говоря, невыносимо. Некоторые мужчины были так хороши и сексуальны, что Вероника еле сдерживалась, чтобы самой не натворить ошибок. (Ну Вы понимаете, «привлекательность такая штука, что порой и не знаешь кому мы нравимся, а кому нет. Бывает что мы смотрим на человека, и он нам симпатичен, и хочется с ним познакомиться, а потом...», ну вот и семья). А бывает просто посмотришь на человека, и от него просто рвать хочется. Так что не угадаешь, кто понравится нам, а от кого рвать будет.

Вероника сказала:

– В больнице строгие часы посещения. – напомнила она ему. – Давайте попьем чай и собираться будем. – затем она повернулась к плите, и посмотрев на чайник, добавила. – А то чайник скоро совсем холодным станет.

Глава 6

Посещение

Итак, Вероника и Петр ехали в такси в больницу где лежала Мария. Погода была хорошей. Дул прохладный ветерок, но солнце светило ярко. И хоть оно и казалось холодным, Веронике и Петру казалось что этот холод недолговечен. Миг, и будет тепло. Снова солнце согреет землю, а ветер перестанет быть таким холодным, а станет если не жарким, что в принципе невозможно, потому что он может быть только душным, по крайней мере, теплым. Все вокруг им казалось тоскливым. Мрачные серые улицы, и стоящие словно стена, многоэтажные дома, казались им грустными и безжизненными. Все вокруг было серо и уныло. Казалось что на сердце опустилась серая таска. Ехавшим в такси людям было серо и уныло. Им казалось, что они оба что-то потеряли. Потеряли что-то ценное им обоим. Петр тяжело вздохнув, сказал:

– Все в этом мире эфемерно.

Вероника не поняла:

– Вы это к чему?

– Вам не кажется, что вокруг нас лишь пустота?

– Нет. – ответила обеспокоенная Вероника. – Мне так не кажется.

– А мне так кажется. – признался он. Затем он сказал. – Вокруг нас лишь большие стены, и больше ничего.

Вероника не поняла. Она спросила:

– Вы это о чем?

– Вот видите, – показал он руками на каменные дома. – Дома. – сказал он. – Это лишь просто стены. Холодные и пустые стены. – он сделал паузу, продолжил. – Холодные камни, и все лишь. В них нет ни жизни, ни тепла. Это просто холодный камень и всего лишь. – он снова сделал паузу, грустным взглядом смотря на пробегающие мимо дома, спрашивая самого себя, продолжил. – Что есть дом? Лишь груда наваленных друг на друга камней. Камней из которых складывается квартира где мы живем. – он снова сделал паузу, сказал. – Квартира эта лишь четыре стены, и только. В ней нет ничего что мы имеем. Только одни стены.

Вероника начала понимать, о чем говорит Петр Романович. Ему было тяжело. Он вот-вот может потерять свою жену, и оставить Аврора останется без матери. Ее психика возможно никогда не признает тот факт, что ее мать мертва, а если и признает, то возможно, со временем, она обвинит отца в том, что тот вовремя не спас Марию, и оставил ее – Аврору, без матери. Хотя он мог ей помочь, но не захотел. И Вероника не ошиблась в своих предположениях.

– Где в них тепло и уют? – продолжал Петр Романович. – Где в них семейное тепло и забота? – он сделал долгую, грустную паузу, сказал. – Его нету. – затем он сказал. – Я не представляю себе свою жизнь вместе с Авророй, без Марии. – он сделал паузу, добавил. – Мы живем в мире пустых и холодных стен, и в них порой нет никакого тепла, лишь один холод.

Вероника не знала, что и сказать? Петр Романович был напуган, напуган, что он останется один. Один в пустом доме. Он будет холодным, и ненавистным ему. Все будет в нем пусто, только одна пустота.

– Вы сейчас боитесь. – сказала Вероника Васильевна Петру Романовичу. – Боитесь остаться один, и дочь без матери. – затем она сказала. – Это нормально для человека. «Страх потерять любимого человека», – затем она сказала. – Вы ее любите.

– Конечно люблю! – непонимающе почему она справила это, он спросил. – Что за вопрос?

– Это нормально. – сказала Вероника. – Значит Вы дорожите тем что имеете. – она сделала паузу, стала его успокаивать. – Страх – это нормально. Обычно он приходит к человеку в неопределенных ситуациях.

– Каких ситуациях?

– В ситуациях когда мы волнуемся за кого-нибудь. Кем-то дорожим, боимся потерять кого-либо. «Это нормально», – сказала она. – Скоро это пройдет. – затем она сказала. – Лишь Вы увидите ее, и у Вас отлежится на сердце. Вы успокоитесь и вздохнете спокойно. Полной грудью.

Петр Романович удивленно спросил:

– Откуда Вы это знаете?

– Просто знаю, и все тут. – ласково улыбнулась Вероника, а затем словно успокаивая его, сказала. – Вы ее увидите. – заверяла она его. – И вот увидите, все будет хорошо.

– Вам легко говорить. – проворчал Петр Романович. – Мария не ваша родственница.

– Верно. – сказала Вероника. – Она не моя родственница, не моя сестра. – затем она добавила. – Она моя закадычная подруга. – затем она добавила. – Она и я, обе мы НЕМЕЗИДЫ, а это скажу я Вам не шутка.

Тут Петр заявил:

– Я не верю в такую дружбу. Все равно предадут.

На что Вероника заметила:

– Мужская дружба недолговечна. «Она построена лишь на бизнесе и на ревностной любви», – затем она сказала. – Вам – мужчинам, только подраться, и повода не будет. А если из-за женщины спор, то тут все средства хороши, раз, и дружбе конец, враги до гробовой доски.

Тут Петр Романович проворчал:

– Как будто бы у Вас – женщин, не так.

– Конечно мы используем приемы чтобы мужчины которые нам нравятся были нашими, и на этот период мы вступаем в войну. Но после, – она сделала многозначительную паузу, и продолжила. – Мы снова миримся, и еще говорим сами себе, что мы были дурами. – затем она как бы упрекая Петра в лице всех женщин, сказала. – Вот так-то. Мы ругаемся, но потом все равно миримся, и дружим, женской крепкой дружбой. – затем она словно обличая его, сказала. – Ни то что Вы, мужчины.

Петр язвительно улыбнулся.

– Пока смерть не разлучит нас.

– Да. – твердо заявила Вероника. – У нас – женщин, дружба до гробовой доски, а у Вас – мужчин. – усмехнувшись улыбнулась Вероника. – Пока какая-нибудь как Вы называете нас – женщин, юбка, поперек дороги не встанет. Тут и дружбе конец, только война. – затем она добавила. – А о бизнесе и говорить не о чем.

Петр решил больше не спорить с Вероникой. Он просто, отвернулся, и продолжил смотреть в окно машины, на пробегающие мимо него серых домах.

– Вот видите. – победоносно сказала Вероника. – Вы не изволите ничего мне парировать. – затем она добавила. – Значит я права. – и затем снова сказала. – Права.

Но Петр Романович молчал. Он смотрел в окно авто, и о чем-то размышлял. Мы не знаем, о чем он думал, скорее всего он думал о том, что Вероника от части права. Женская дружба крепче мужской. Но в чем причина этой разницы? Он так и не мог понять. Лишь слова Вероники давали ему пищу для размышлений, и он так и не мог понять, неужели деньги и женщины могут навечно разрушать мужскую дружбу, навсегда. А женскую, нет. «А Вы как думаете?» Тем временем такси подъехало к больнице, где лежала Мария. Водитель сказал:

– Приехали.

Петр расплатился с таксистом, а затем он и Вероника Васильевна вышли из машины. Они направились ко входу в больницу. Там, за этими дверями лежала Мария. Как им сообщил доктор Виктор Дмитриевич, что Мария Вениаминовна пришла в себя, и ей стало намного лучше. Теперь Вероника и Петр надеялись что ее состояние не ухудшится. Она пойдет на поправку, и вскоре сможет совершить путешествие в Америку, где ее родная сестра поможет встать ей

на ноги. Оплатит операцию, и... впрочем мы не будем так далеко заглядывать. Сейчас, когда Мария лежала в больнице, она не думала о том, как бы поскорей уехать за границу, она хотела только одного, как можно скорее поправиться. Встать на ноги, и наконец уйти поскорее из этой больницы. Уйти, и больше сюда никогда не возвращаться.

Когда Петр и Вероника увидели лежащую на постели Марию, им вдруг стало не по себе. Они вдруг ощутили ту беспомощность, которую ощущала в данный момент она. Чувство безысходности и ложной надежды. Они понимали, что в данный момент выкарабкаться из этой ситуации проблематично. Кто знает, когда Мария очнется? А когда очнется и поправиться, сможет ли она перенести этот полет? Из Москвы до Нью-Йорка лететь сутки. Еще перегрузки при взлете и посадке. Кто знает, и знает ли вообще, наверняка, уведет ли она еще раз свою сестру? Этого из них никто не знал.

Тоска. Лишь одна тоска, нахлынула на них когда они увидели Марию. Все понимали, что чудо может и не совершиться. Смерть – как неотъемлемая часть жизни, преследует нас. Она всегда с нами, мы ее только не замечаем. Верно говорят: «смерть приходит неожиданно». Может быть это и лучше? Ведь порой зная час своей смерти, и невозможность ее отсрочить...

– Доктор. – спросила Вероника у доктора Виктора Дмитриевича. – Она поправится?

– Я не буду Вас обнадеживать. – ответил Виктор Дмитриевич. – Прогнозы неутешительны.

Петр спросил:

– Что значит, неутешительны?

– У Марии порок сердечной мышцы. – сказал он. – Ей нужна операция. Ее можно сделать в Америке, но нужны деньги, а у Вас их нет.

– Верно, – ответил Петр. – у нас денег нет. – затем он добавил. – Но нам обещали помочь.

– Кто даст такие деньги? – поинтересовался доктор Виктор Дмитриевич, а затем спросил. – У кого в этой стране столько денег! Покажите мне этого безумца, который готов пожертвовать деньги на операцию для незнакомого человека? Покажите мне его! – не верил доктор Виктор Дмитриевич услышанному. – Я посмотрю на этого безумца!

– Смотреть нечего. – спокойно сказала Вероника. – Эта сестра Марии, живущая в Америке.

– Американка. – облегченно вздохнул он. – Вы меня успокоили. – затем он добавил. – А я-то думал, что кто-то из новых русских раскошелится захотел. – А что в замен потребует, вопрос?

– Да, – согласилась Вероника. – это точно.

Затем Петр и Вероника рассказали о том, о чем они прочли в электронном письме присланной Эльвирой. О том, что в нем было написано о личном адвокате, и его приезде в больницу, чтобы ладить вопрос о финансовой стороне вопроса и договориться с американской клиникой, где будет проводиться операция.

– Хорошо. – ответил доктор Виктор Дмитриевич. – Все то что Вы мне сказали, это обнадеживает.

Надежда, все что осталось у этих людей. Надежда на то, что все в конце концов обойдется. Что все в конце концов все закончится хорошо. Но это лишь призрак, призрак надежды, той несбыточной мечты, каковую мы хотим осуществить.

– Да. – согласился Петр Романович. – Это лишь обнадеживает. – затем он добавил. – Лишь обнадеживает, а до реальной цели еще долго идти. – он иронично добавил. – Можно и не дойти до конечной цели. Что-нибудь обязательно помешает.

Тут Вероника сказала:

– Надо надеяться на лучшее. – затем она добавила. – Лучшее это все что у нас остается в жизни после горестей и несчастий.

На что Петр Романович заметил:

– Бывают горести невыносимы жестоки. – затем он сказал. – Мы не можем пройти мимо своих горестей и несчастий. Они нас преследуют, и порой не хотят нас отпускать. – он сделал паузу, бросил. – Порой все горести и несчастья рождаются вместе с нами, и напряжении всей жизни мы их выносим. – затем он добавил. – Это наш крест, быть несчастными. Лишь человек способный вырваться из этих оков, обретет счастья и радость в этой жизни. – он добавил. – Но порой эта ноша неподвластно нам. Она все тяжелеет и тяжелеет, и нет пути назад. Только вперед, к неизбежным страданиям. – затем он закончил. – Вот так и живем. – развел он руками. – В одних только страданиях.

– Вы неправы. – заметила Вероника. – Радости то же есть в этой жизни.

– Радости? – усмехнулся Петр. – Это удел богатых, а нам нищем, лишь страдания наш удел. – затем он добавил. – Ведь б если были бы у меня деньги, я уж точно сделал бы Марии операцию на сердце, и мы были бы счастливы, а так, лишь горе и страдание наш удел. – затем он добавил. – А Вы счастье говорите. Чушь, и боле ничего.

Вероника хотела что-то сказать, что-нибудь из его слов опровергнуть, но не могла. Дело в том, что Петр Был прав. Если бы у него были бы деньги, то возможно, нет, она была просто уверена, что Мария сейчас бы не была в коме. Она была бы уже здорова! Здорова и счастлива в кругу своей семьи. Вот и выходит, что без денег нет счастья в этой жизни, только горе и страдания.

Тут доктор Виктор Дмитриевич, спросил:

– Вы все? – в его взгляде можно было прочесть непонимание. Мария, жена Петра, лежала в этой больнице, и нуждалась в помощи, а они тут спорили о счастье и о горе. – Смотрю я на Вас и думаю, почему Вы такие?

Петр не понял:

– Какие такие?

– Жестокие. – сказал доктор Виктор Дмитриевич. – Ваша жена лежит в палате, ей нужна помощь, а вместо нее я слышу лишь рассуждение на тему... – он сделал паузу, добавил. – Такие как Вы считаете людей равнодушными к чужому горю, а сами?

Петр поинтересовался:

– Что сами?

– Вы способны только рассуждать на какую-либо тему, – сказал он, а затем добавил. – кроме той на которую нужно обратить внимание. – затем он сказал. – Это хорошо, что сестра Марии Вениаминовны может оплатить эту операцию, а если нет? – он сделал паузу, добавил. – Где бы Вы денег взяли б? Только поговорить на эту тему, а действий нет. Так чем же Вы лучше тех, кто богат? Пожалуй Вы хуже их, никак иначе.

Петр возмутился:

– Что Вы черт побери Вы позволяете?

Но Вероника Васильевна тотчас же сказала:

– Возможно Вы правы, доктор. – затем она извинившись, добавила. – Горе подчас делает из нас монстров.

– Что ж, – видя что говорить больше нечего, все сказано, доктор сказал. – сегодня Марию перевезли в интенсивную терапию. – затем он сказал. – Возможно я разрешу ее навестить, только на несколько мину.

– Хорошо. – сказал облегченно вздохнув Петр.

А Вероника сказала:

– Надеюсь она скоро поправиться.

Петр поддержал Веронику.

– Я тоже.

– Что ж, – сказал доктор Виктор Дмитриевич. – прошу следовать за мной.

И Вероника Васильевна с Петром Романовичем, направились за доктором Виктором Дмитриевичем. Они шли по как им казалась по бесконечному коридору.

А вот и палата. За ее дверьми лежит женщина. Беззащитная, хрупкое создание, которое нуждалось в помощи и поддержки. Вообще, кем бы ни был человек, женщиной или мужчиной, а может и ребенком, все Мы нуждаемся подчас в поддержке, в помощи, в добром слове. Жаль, что порой мы этих слов никогда не услышим. А если и услышим, то порой не от тех людей, от которых мы ожидали услышать эти слова.

Подойдя к двери палаты, Вероника с чувством глубокой тревоги, спросила доктора Виктора Дмитриевича.

– К ней можно?

– Сейчас узнаем. – ответил доктор. – Присядьте. – сказал он. – Сейчас я узнаю, как она. – он вошел в палату номер тринадцать, а Вероника и Петр остались в коридоре. Они смотрели друг на друга, моля, чтобы с Марией все было хорошо. Чтобы ей было лучше, чтобы все напасти и невзгоды прошли, и Петр снова увидел жизнерадостную, здоровую Марию. А Вероника тем временем молилась. Молилась чтобы все поскорей закончилось. Она хотела так же как и Петр выздоровление Марии: – Эта операция должна быть как можно скорее. – думала она. – скорее бы она поправилась, и ее перевезли в Америку, где ей окажут необходимое для нее лечения.

В этот момент из палаты вышел доктор Виктор Дмитриевич, и сказал:

– Вы можете войти, – и затем предупредил. – только на минутку.

«Только на минутку». – подумали Петр и Вероника одновременно. – «Как это мало – минута времени. Минута драгоценного времени, как говорят в народе». – они оба посмотрели друг на друга, и каждый из них подумал о своем. Петр думал о том, что или кого он увидит сейчас, в этой палате? Возможно он увидит жизнерадостную женщину, которую он знает, а возможно он увидит уже женщину, которая уже навсегда останется доброй и заботливой матерью, но уже не будучи столь жизнерадостной и веселой, думающей только о том, что ставиться с ее дочерью после ее смерти. Вероника думала о том, как воспримет увиденное Аврора. Ведь неизвестно что она увидит за этой дверью? Беспомощную женщину, которой была нужна поддержка всей семьи, и которая наверняка хотела, чтобы ее дочь никогда, ни при каких обстоятельствах, не видела ее в таком состоянии.

– Входите. – снова сказал доктор Виктор Дмитриевич, и с полной уверенностью добавил. – Она ждет Вас.

Тут Вероник словно не зная что ей сказать, тихим, словно испугано – вопросительным тоном, спросил:

– Как она, – а затем добавила, словно в надежде, что тот ей поможет. – доктор?

– С ней все хорошо. – обнадежил он их. – Как я уже сказал, продолжал он. – она вышла из комы, и теперь кризис прошел.

Петр спросил:

– Она может разговаривать? – затем он пояснил. – Просто я знаю, что после таких приступов человек, – он сделав паузу, продолжил, но доктор Виктор Дмитриевич поняв, что он хочет узнать, сказал:

– Да, она может говорить. – затем он пояснил. – Но как Вы понимаете, она говорить сейчас может тихо. – затем он добавил. – Ее нельзя сейчас волновать, но Вы и сами знаете.

– Да. – сказала Вероника. – Конечно мы это понимаем.

Они вошли в палату, где лежала пациентка этой больницы Мария Вениаминовна Головократова. Она лежала на больничной койке, возле нее стояли разные компьютеры, от которых провода, были прикреплены к телу Марии. Возле нее стояла капельница. Она казалась беспомощной, хрупкой женщиной, которая лежала в полной беспомощности на этой кровати.

– Мария. – тихо сказала Вероника. – Как Вы?

Та посмотрела глазами на пришедших, и выжив из себя улыбку, тихим голосом произнесла:

– Хорошо. – ответила она с трудом. Дело в том, что ей трудно было говорить. Да что там говорить, ей трудно, почти невыносимо было что-либо вообще произнести. Каждое ее движение, каждый вздох, причинял ей невыносимую боль. В сердечной мышце было у нее ощущение какого-то камня. словно он преградил дорогу кровеносной системе ее сердце, и нельзя было вздохнуть полной грудью – освободить свои легкие от некоего скопившегося в сердце вакуума, который и не давал ей полноценно дышать. – Я в порядке. – тихо произнесла она. – Со мной все в порядке. – снова сказала она, а затем добавила. – Что-то я расхворалась не вовремя, сестра к себе пригласила, а я здесь лежу. – Ей было нечего сказать. Она винила себя за то, что вовремя не обратилась к врачу-специалисту-кардиологу. У нее на это просто не было времени. Да, впрочем, она никогда не жаловалась на сердце. Ну что, если учащенное сердцебиение? Выпил АНАПРИЛИН, и все, снова здорово! Живи и радуйся жизни. Но сейчас, когда все это произошло с ней, она понимала, что ее дочь возможно останется сиротой. Доктор Виктор Дмитриевич ей сказал, что ей нужна операция, которую можно сделать только за границей. Также он добавил: – Врачи просто некомпетентны в этих вопросах. – а затем добавил. – Нас такому не учили. – Не учили чему? Лечить людей? Только общая медицинская практика. А может они могут все же сделать эту операцию, но не могут? Так как у них договоренность с иностранными клиниками? Они поставляют оборудования, а мы больных? Что в этом случае за дикость? А еще российское здравоохранение, самое надежное здравоохранение в мире. Не вериться что-то. Во всех цивилизованных странах страховые компании страхуют людей – своих граждан, и если какая-либо операция, то она оплачивается страховой компанией, а не гражданами. Я уж молчу о ветеринарии. За границей у каждого животного есть страховка, а в России – нет. Никто никому не нужен, только деньги, да и то в двойном размере, а если нет, то место на кладбище, да и то если деньги есть. Мария сказала. – Вот, подвела я Вас. – она сделав тяжелую паузу, добавила. – Я хотела чтобы дочь увидела жизнь, а теперь это нереально. – затем она обратившись к Петру Романовичу, сказала. – Пообещайте мне, чтобы там не произошло, Вы с Авророй уедите из этой страны. – затем она добавила. – Ей нужно получить образование, а в этой стране это сделать нельзя.

– Хорошо. – ответил Петр Романович. – Я это обещаю. – затем он сказал. – Но рано Вы себя хороните.

– Что Вы имеете в виду?

– Мы с Вероникой Васильевной... – начал Петр Романович подбирая нужные слова.

Вероника посмотрев на него, и дав понять что сама скажет Марии то, что хотел сказать Петр Романович, сказала:

– Мы написали Эльвире, о том что произошло, и она нам ответила, что...

Тут Мария перебив Веронику, спросила:

– Что она ответила? – затем она усмехнувшись, добавила. – Она же не знает, что мне операция нужна! – она сделав паузу, вздохнув, спросила. – Она же не дура, чтобы оплатить операцию. – затем она добавила. – Виктор Дмитриевич сказал мне о ней.

В это самое время показания на стоящих в кабинете мониторов показали учащенное сердцебиение Марии Вениаминовны, и доктор Виктор Дмитриевич, тотчас же сказал:

– Все, свидание закончено. – он тотчас же позвал медсестру, а посетители вышли из палаты.

Петр Романович спросил:

– Что скажите?

– Вероника Васильевна ответила:

– Мы видели в каком она состоянии. – затем она добавила. – Если мы хотим спасти Марию Вениаминовну, то надо действовать быстро!

– Я с Вами абсолютно согласен.

Тем временем в палату вбежала медсестра. Она была взволнована, и озабочена.

Доктор строго спросил:

– Почему Вы оставили пациентку без присмотра? – затем он добавил. – Вы же должны понимать, что таким пациентом нужно круглосуточное наблюдение. – затем он с упреком поинтересовался. – А где были Вы, позвольте Вас спросить? – затем он предположил. – Наверное опять, в сестринской заперлись? «С доктором Ирвином Эдвардовичем Раздолбаевым?» – затем он сказал. – Личная жизнь должна быть за пределами этих стен. Это Вам последнее предупреждение, Светлана. Больше предупреждений не будет. – Выгоню Вас к чертовой матери! Он санитаркой говно убирать станете, а о медицинской практике забудьте.

Не зная что сказать, медсестра Светлана готова была сгореть от стыда. Она действительно забыла о том, что пациентке Марии Вениаминовны Головократовой ниже круглосуточный присмотр. Она даже сегодня не зашла к ней в палату, посмотреть ее состояние, и проверить оборудование. Дело в том, что если человеку плохо, на сестринском посту, должна сработать сигнализация, и та должно срочно сообщить доктору. Но сигнала тревоги не было. Все было в порядке, и за те два часа пока медсестра не выполняла свои прямые обязанности, смотря за оборудованием каждые полчаса, доктор Виктор Дмитриевич как врач был в полном бешенстве оттого, что медсестра Светлана проигнорировала свои прямые обязанности, занимаясь чем угодно, только не медициной.

– Вам нечего сказать. – продолжал доктор Виктор Дмитриевич, а тем временем показания мониторов все ухудшались.

Тут медсестра Светлана, заметив это, сказала:

– Вы меня потом отчитаете, смотрите, у пациентки из-за нас приступ.

– Черт побери! – неистова воскликнул доктор Виктор Дмитриевич, и обвинив в своих несчастиях медсестру Светлану, сказал. – Срочно, укол РЕБОКСИНА! – а затем добавил. – Немедленно. – затем он посмотрев на мониторы, приказал еще уколоть Марии какие-то препараты, а затем послушав ее сердце, сказал. – Это приступ, быстро, готовьте реанимацию.

Медсестра Света выбежала из палаты. Она была взволнована, и спешила.

Стоявшие возле палаты Марии Вероника и Петр, спросили.

– Как она?

– Плоха. – кинула медсестра Светлана, и побежала по коридору.

Вскоре пациентку перевели в реанимацию. Ее состояние снова ухудшилось.

Доктор Виктор Дмитриевич сказал:

– Ее сердце на грани. – затем он добавил. – Деньги нужны сейчас. – и сделав паузу он добавил. – Если в ближайшее время ее не прооперировать, она умрет. «Это факт», – затем он сказал Петру и Веронике. – Мы можем сейчас отправить ее в Америку, но деньги за операцию должны быть по ее приезду. – затем он спросил. – Это возможно?

– Да. – ответила Вероника. – Это возможно.

– Хорошо. – сказал облегченно доктор Виктор Дмитриевич. – Значит оформляем документы.

Сама же Вероника не знала, будут ли деньги или их не будет? Она вообще не знала, что будет дальше? Мария конечно улетит в Америку, но сдержит ли Эльвира свое слово? Этого она и Петр не знали.

Глава 7

Отъезд

Итак, начнем с того, что Вероника Васильевна и Петр Романович вернулись домой. Сегодня у них был непростой день. Посещение Марии в больнице, улаживание всех финансовых вопросов, и при этом переписка по электронной почте с Эльвирой. Та заверила их, что деньги будут перечислены вовремя. Российская клиника только должна взять на себя обязательства по транспортировке пациентке в Америку. То есть предоставить самолет который будет оборудован для такого дела. Что ж, на это российская сторона пошла. Доктор Виктор Дмитриевич заверил их, что самолет будет в срок. Оставалось дело лишь за визой. Но тут тоже все было как нельзя в порядке. Виза уже ждала их в посольстве США, куда они направились после того, как вышли из клиники. Когда в посольстве наклеивали визу в паспорта, работник посольства, который занимался ими, сказал:

– У Вас заботливая сестра, если сама оплатила все расходы.

– Эльвира очень хорошая женщина. – согласился Петр Романович, а затем добавил. – Она знает что сейчас в России не лучшая жизнь.

– Так оно и есть. – согласился работник посольства, вклеивая в паспорт Авроры визу. – Ваша сестра заботится о Вас, – сказал он, а затем спросил. – С чего бы то это? – затем он добавил. – Сейчас много людей хотят уехать из России, а Вам и подавать заявление не надо.

Вероника сказала:

– Просто сестра любит свою сестру. – а затем добавила. – Она просто желает ей счастье.

– Что ж, – ответил работник посольства. – этот ответ хороший.

– Но зачем Вам это спрашивать?

– Мы – американцы не хотим чтобы в нашу страну попадали те люди, которые не могут себя обеспечить. – затем он добавил. – Знаете Вероник! – он сделав паузу, сказал. – если бы вы уезжали в Америку, то вряд ли мы Вас выпустили.

– Почему?

– Америка – эта страна новых надежд. – сказал он, а затем добавил. – прежде чем мы даем визу, мы тщательно проверяем человека, и поверти, если он необразован или неграмотен, то дорога ему заказана. Он обречен умереть здесь, в России. – затем он признался. – Из всех кандидатов на отъезд в Америку, вы первые из двенадцати которым мы даем визу, и то по приглашению. – затем он добавил. – Так что вы должны нас понять, когда мы спрашиваем Вас о поездке в Америку.

– Да. – ответила Вероника чиновнику в посольстве. – Теперь я Вас поняла.

Получив визы, Петр, Аврора и Вероника поехали домой к Веронике. Они понимали, что там их никто не ждет. Америка – страна Вашингтона и Гранта, Линкольна и Кеннеди. Она их не ждала. Это было определено ясно из разговора с чиновником из посольства. Он ясно дал понять, что там их не ждут. Петр тихо сказал:

– Весь мир – это один сплошной кошмар. – затем он добавил. – В нем нет дома.

Тут Вероника удивилась:

– Как нет? – затем она спросила. – А дом где мы родились?

– Порой и он становится чужим для его хозяина.

– Что Вы имеете в виду?

– Порой наш дом становится для нас совсем чужим и нежеланным. Вот как сейчас. – он сделав горькую паузу, сказал. – Вот как сейчас. – он снова сделал горькую паузу, а затем добавил. – Родная страна не может обеспечить моей семье полноценное лечение, нам приходится ехать в чужую страну, где возможно Мария спасется. – затем он бросил. – Он, знаменитости, лечатся не в России, а за границей, а почему? – задал он сам себе этот вопрос. – Да потому что

за границей и врачи квалифицированы, и оборудование лучше. – затем он бросил. – Были бы деньги, а здоровье купить можно. – он тяжело вздохнув, добавил. – Вот и выходит, что наш дом это куда зеленой нарезанной бумаги. Есть она, и дом есть, а нет, гуляй Вася! Ты не человек, а просто тебя нет. Нет так же как и дома. Мы просто живем, нет, мы просто существуем. Нас бросают из стороны в сторону, пытаюсь избавиться от нас – людей. – затем он сказал. – Кто говорит, что геноцид сгинул в лету, тот ошибается. Геноцид всегда существовал, и никуда он не денется. – затем он добавил. – Как швыряли нас из стороны в сторону. – бросил он. – Так и будут швырять. – затем он сказал. – Мы будем уезжать из наших домов, ища лучшей жизни. И уедем туда, где нас не ждут. Мы просто никому не нужны, только своим родным, но и им мы порой ненавистны. – затем он иронически усмехнувшись, бросил. – А Вы говорите, дом. Нет, у нас нет дома. Мы странники на этой земле, гости без дома, и даже у кого он есть – дом, то они вряд ли способны понять, что этот дом, лишь иллюзия самого дома. Это лишь четыре стены в которых мы ночуем ночью, и больше ничего.

Вероник понимала, о чем говорит Петр. Дом – это не только четыре стены, это что-то больше. Что-то, что мы не можем понять. Ведь дом для большинства из нас это четыре стены, где можно переиначивать, и все.

– В Вас сейчас говорит чувство страдание и ненависти. – сказала Вероника. – Посмотрите на эту проблему с другой стороны!

– С какой же?

– Скоря Мария с Вами улетит в Америку, там ей сделают операцию, и ей надо будет помощь в ее адаптации. Ей потребуется Ваша помощь и помощь Авроры. Не думаете о плохом, думаете только о хорошем. – затем она сказала. – Сейчас Вы должны быть вместе, вместе, как семья. – затем она добавила. – И лишь семья есть единственный наш дом. Берегите его. Храните свой очаг, и Вы придете в свой дом. Свой, единственный дом, который зажжет вам свой очаг любви, и согреет Вас своим теплом. – она сделав паузу, сказал. – Это и будет Ваш дом. – затем она добавила. – А все остальное лишь пыль, стены, где лишь можно переночевать. – закончила она свою речь.

– Может быть Вы и правы. – согласился Петр с Вероникой. – Дом – это семейный очаг, а не четыре стены, где можно переночевать.

– Я права. – ответила Вероника. – Сейчас Марии будет нужна Ваша поддержка. Семья, это самое важное что есть в жизни. Не будет семьи, и дома не будет. Лишь осколки счастье тлеющие на тлеющим пепелище костра бывшего когда-либо человеческого счастье, и уюта его дома.

Тем временем они подъехали к дому, где жила Вероника. Им было не по себе. На сердце скреблись кошки. Тошно. Тошно потому, что работник посольство испортил им настроение, что Мария, так нуждающиеся в операции может получить медицинскую помощь только в Америке. Россия вообще неспособна, по их мнению, вылечить кого бы то ни было. Только если отправить человека на тот свет, это они завсегда. И пусть не говорят, что Российская медицина – самая лучшая в мире! Не поверю. Ведь как уже было написано, даже артисты, а политике тем более лечатся за границей. При этом просто призирая Российскую медицину которую таковой и сотворили. Не медицина, а лишь последнее пристанище перед смертным одре. Кто попадает в эту систему, тот заведомо обрекает себя на преждевременную кончину. С молодыми, у кого деньги еще повозиться можно, а старый человек, даже не доживший до пятидесяти лет, – умирай: – Пожил, и хватит. – так говорят медики. – Лечиться бесполезно, хворь все равно возьмет свое. Так что от Гоголевского ревизора, мы так и не услыши.

Помните, героя комедии Ревизор, Артемия Филипповича Земляника, попечитель богоугодных заведений. Проньюру и плута. Его принцип: «Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет». Так и сейчас, на всех начхать. Ни то что лечат врачи, анализы, и то зажимают. Нужно, к примеру сделать ЭМРТ, а те говорят: «Сами

за нее платите, а денег у нас нет, чтобы бесплатно посылать». Конечно, нет денег. Ведь бюджетные средства уходят на лечения самих медиков, у которых еще и инвалидность имеется. Вот и лечись у психов. Конечно по накупив дипломов, остальное неважно. Лишь бы за лечение деньги брать, а лечить необязательно.

Сейчас, сидя дома, они не могли думать ни о чем, кроме предстоящей операции Марии в Америке.

– Как Вы думаете, Марию успеют прооперировать?

– Надеюсь, что да, успеют. – ответила Вероника, а затем добавила. – Я только боюсь что она не сможет перенести полет. – затем она пояснила. – Нагрузки на сердце слишком велики.

– Надеюсь все сложится хорошо.

– Я тоже.

Все что осталось у них, это лишь только надежда. Надежда на хорошее. Призрачный фантом, который дает надежду, и отнимает ее у нас.

Отъезд Марии был нелегко. После того как у нее случился приступ, она три дня пролежала под капельницей. Затем она пришла в себя, и доктор увидев ее показатели жизнедеятельности, срочно дооформил все необходимые документы, и позвонив Веронике, сказал:

– Можно лететь.

Но вылет пришлось задержать на неделю. Вероника не могла так быстро восстановиться. Восстановиться для того, чтобы перенести полет. Дело в том, что каждый полет сопровождает риск. Мало кто задумывался над тем, что перегрузка при взлете и при посадке самолета, чревата для человека страдающим каким-либо заболеванием, связанным с сердечно-сосудистыми и какими-либо отклонениями мозговой активности, сосуда – вегетативными болезнями головного мозга, могут не перенести полета. Хотя, конечно, люди привыкли к этим перегрузкам, и летают без забот туда и обратно. Но все же я утверждаю, что риск остается. Игра смерти с собой. Как говорится; побыстрее, а последствиях лучше не думать. Лишь бы успеть, и все тут. Не успеешь, потеряешь деньги, а они важнее всех. Вот и ответ, почему люди рискуют жизнью, играют с собственной судьбой. Причина в деньгах, и ради них, мы ставим на кон свое здоровье, свою жизнь. Но сами этого не понимаем. Нам кажется, что это закономерно, в порядке вещей. Но это не что иное, как самообман. Так что Мария после того как второй приступ минул, ей врачи запретили лететь в Америку, пока не убедились, что третьего приступа не будет. Его боле не было. ЭКГ показала, что сердце работает достаточно хорошо, чтобы без труда перенести полет.

– Вы можете лететь. – сказал доктор Виктор Дмитриевич Петру Романовичу когда тот вместе с Вероникой и Авророй посетили в очередной раз клинику, где лежала Мария Васильевна. – Кризис миновал, теперь все зависит от того, как быстро ей сделают операцию. – затем он добавил. – Для ее безопасного передвижения, мы рекомендуем Вам, чтобы Мария Вениаминовна не передвигалась с усилием, чтобы ее сердце не напрягалась. – он сделав паузу, добавил. – Мы рекомендуем Марии передвигаться на инвалидном кресле. – затем он добавил. – Мы не в коем разе не говорим, что Мария останется в коляске навсегда, это только временная необходимость, пока ей сделают операцию, и она пройдет реабилитацию. Только тогда она сможет встать с кресла, ни раньше.

– Я понимаю. – тихо ответил Петр Романович, а затем сказал. – Я буду следить за Марией, чтобы у нее не было никаких стрессов.

– Я рад это слышать.

Вскоре был назначен день и час отъезда Марии с ее семьей в Америку. Вероника провожала семью Головократовых до самого трапа самолета. Сейчас ей было тяжело. Тяжело въезжать на кресле-каталке в самолет. Мария чувствовала, что видит эту страну в последний раз. Возможно она больше навернется сюда, в эту страну. Где жизнь это лишь мучения и страдания. Страдания которые никогда не кончатся. Ведь Россия – страна великих писателей и ученых, но

все они, по крайней мере, та часть которая родила Россия-мать в двадцатом веке, уехали за границу. Двадцатый век просто не смог понять всех тех открытий, что сделала Советские, а затем и Российские ученые. Они просто умотали за границу. Там, где за их открытия платят деньги, а не дают подачки, как это принято сейчас. Бросили нам обглоданную кость, и радуйся. Денег нет. Только патриотизм. Но патриотизм нужно кормить. Жаль, что этого политике России не понимают. Или понимают, но жадны до неприличия. Но вернемся к Марии. Когда она попала на борт самолета, и сев в удобное кресло VIP класса, инвалидную коляску сложив, убрали.

Мария посмотрела в окно самолета, и увидела хмурое утро. Аэропорт Шереметьево показался ей серым. Серым и мрачным. Казалось, что он просто ворчал. Провожая ее в долгий путь, он не хотел чтобы она, а может быть и самолет покидали территорию России. Ведь как бы мы не хаяли страну в которой мы живем, все же эта страна – наш дом. Грустно с ней прощаться, понимая всецело, и осознавая тот неоспоримый факт, что больше ее никогда воочию мы не увидим. Чужбина станет в скором времени нашей родиной, а Россию займут люди кавказкой национальности. Придут они все с востока, и станут наводить свои порядки, истребляя российский народ. А сами станут царями над русским Иваном. Жаль, Наши предки боролись и иноземцами, а мы – люди из двадцатого века отдали им всю нашу вотчину, и сказали, чтобы они стали неофициальными нашими хозяевами, а мы их рабами. Как-то раз, одна политик сказала: – Русские вымирают, надо просто заменить их на людей других стран. – Затем она перечислила столько стран, что Россия оказалась второй Америкой. Там проживают все национальности кроме коренных. Их испанские конкистадоры просто уничтожили после того как Колумб открыл Америку. Жаль что Россия пошла по такому же пути, и не заметила этого. Россия богата всем, но не народом. Он просто вымирает, и лишь его замена из зарубежья помогает России не потерять свое лицо. Но что станица когда русские вымрут, а на их место действительно придут те, кто так стремился обокрасть Россию? Что тогда? На этот вопрос нет ответа. Мы сами боимся признаться самим себе, что мы просто продали, и подарили Россию. Но кому? Мы так и не поняли.

Сейчас, покидая родину, Мария Вениаминовна, Петр Романович, и их дочь Аврора, были грустны и печальны. Россия прогнала их. Выгнала из родного дома! Что станет с ними там, за рубежом? Примет ли их Америка? И если примет, то как? Этого никто из них не знал.

Тут их грустное молчание прервал возглас Авроры. Она спросила маму:

– Мы скоро прилетим в Америку? Я скоро увижу тетю Эльвиру?

Мать нежно посмотрев на дочь, легонько улыбнувшись, подумала:

«Маленькая девочка, как хорошо что ты еще мало что понимаешь. Надеюсь, что там, в Америке, ты станешь человеком. Выучишься, и утрешь всем нос. Будешь повелевать всеми, и никто не ткнет в тебя пальцем, и не пошлет куда подальше. Посылать будешь ты. Надеюсь, что я доживу до этого времени».

Она сказала:

– Спи. Пусть сняться тебе радостные и прекрасные сны. А когда ты проснешься то мы уже прилетим в Америку, и там, у трапа самолета нас будет встречать тетя Эльвира.

Самолет набрав скорость взлетел в небо. Плавно набирая высоту, он оставил позади аэропорт Шереметьево, превращая его в маленькую точку. Последнюю точку России, на которую смотрела Мария. Вскоре они вылетели из города, и Мария увидела в иллюминатор самолета прекрасные поля, и леса. Российские просторы, которые через мгновение скрылись в густых облаках воздушного пространства. Все. Конец. Земля за облаками. Теперь они в воздушном коридоре. Летят в Америку. Мария видела в иллюминатор самолета лишь небо. Оно как будто бы прощалось с ними. Прощалось навсегда. Грустно и тоскливо. Прощай великая страна! Прощай Россия! Прощай Москва!

Здравствуй Америка! Здравствуй иная страна. Может там, в Америке они обретут тот дом и счастье которого у них не было здесь, в их доме.

Глава 8

Ливень-ливень

Итак, проводив Марию с семьей, Вероника вернулась в Москву, домой. Зайдя в квартиру, Она прошла в комнату, включила телевизор, села на диван, и вздохнув полной грудью, расслабилась. У нее был сегодня тяжелый день, шутка ли проводить подругу в аэропорт, и попрощавшись с ней, зная, что та возможно уже никогда не вернуться назад, попрощаться, по сути, с ней навсегда. Грустно, Веронике было определено грустно. Но эта грусть была радостной. Она в глубине души знала, что там, за границей, на чужбине, Мария вместе со своей семьей будет счастлива. Она в это верила, и она это чувствовала. Она знала, что так оно и будет на самом деле.

Вскоре часы пробили шесть часов вечера. Вероника встала с дивана, и подошла к окну. Она посмотрела на улицу, и увидела, что на улице льет сплошной дождь. Тут она почувствовала, что в квартире, да и на улице тоже, душно. За окном сверкнула ясна молния, затем ударил раскат грома. Почему-то Вероника вздрогнула, и схватившись за сердце, подумала о Марии: – «Сейчас она в небе, летит в Америку». – тут ее охватила мысль, что самолет в котором она летела попал под этот грозовой фронт. – «Возможно ее самолет пролетел мимо этого грозового фронта?» – думала она. – «ДА», – успокаивала она саму себя. – «так оно и есть. Он миновал грозовой фронт, и сейчас спокойно летит в Америку». – Но вот, за окном снова сверкнула она – молния. Яркой вспышкой разряда молнии удалил из земли в небо, и то озарилась ярким светом. Вероника Вздрогнула от неожиданности. В эту самую секунду, она увидела в небе от сверкнувший в дали молнии, очертание самолета. Затем ударил грозный раскат дедушки-грома. Тут Вероника испугалась. Она держалась левой рукой за сердце, и чувствовала, как через ее тело прошел разряд тока. Все ее тело словно передернулось, сердце на секунду съежилось, и в нем словно иголка кольнула. Какие-то скверные предчувствия. Веронике показалась, нет, она почувствовала, что что-то произошло. Что-то случилось с ее подругой. Что-то страшное и непоправимое. Вероника неожиданно воскликнула: – Мария! – Она почувствовала что-то. Она почувствовала, что, что-то случилось. Что-то страшное и ужасающее. Ей стала трудно дышать. Она открыла настежь форточку, которая до этого была лишь приоткрыта, и стоп свежего воздуха ударил в ее лицо. Правда он был душен, и тяжел. Но Вероника была рада ему. Ведь после того, как она схватилась за сердце, она почувствовала сильное сердцебиение. Оно словно вылетало из ее женской груди. Тут она стала искать аптечку. Она искала и не находила ее. Сердце учащенно колотилось. Оно словно хотело вырваться наружу. Но вот и она – аптечка. Вероника открыв ее, быстра нашла нужное лекарство, и бросив все остальные лекарства в сторону, пошла на кухню, чтобы запить препарат. Затем она распахнула кухонное окно, и села за кухонный стол. Она прислонилась к стенке, и начала пытаться глубоко дышать, словно хотя успокаивать свое сердце, чтобы оно стало биться в ее груди равномерно тихо.

– Черт побери! – Выругавшись, она словно успокаивая саму себя, она сказала. – Все хорошо. Сейчас все пройдет...

Самовнушение – это великая штука, жаль, что не всегда помогает. Люди внушают себе разное, но внушение подчас является нашим врагом. Вот, к примеру, Анатолий Михайлович Кашпировский. Он внушал людям, что их болезни прошли, а нет. Они никуда не делись. Только человек поверил, что их нет, а они есть, и никуда они не делись. Так что внушать себе, что все пройдет – можно, а верить в то, что самовнушение избавляет от всех болезнях – нельзя.

Сейчас, когда Вероника говорила сама себе, что все у нее пройдет, она пыталась успокоиться. Отбросить те страхи, которые внушила ей эта молния и раскат грома.

...-Все хорошо, – успокаивала она сама себя. – я спокойна. Мое сердце сейчас успокоится...

Этими не хитростными словами мы внушаем себе покой.

Вскоре от сердца отлегло. Вероника успокоилась, она встала со стула, и взяв из холодильника кефир, открыла его, и взяв стакан, подошла к окну, и поставив кефир и стакан на подоконник, открыла настежь окно. Она почувствовала как в ее квартиру вошел свежий воздух. Напряжение и духота куда-то пропали, лишь сплошной дождь лил на улице как из ведра. На улицах можно было увидеть большие лужи. Вероника взяла с подоконника кефир со стаканом, и налила кефир в стакан и выпив его стала смотреть в окно. Она смотрела вдаль. Словно хотела пробить дыру в этом сплошном дожде, ливне обрушившейся ни с того ни с сего на этот город. Она пыталась увидеть сквозь этот забор, который возник перед ней, который принес этот ливень, то, что хотела. А хотела она увидеть сейчас Марию и ее семью. Убедиться что с ними все в порядке. Что с ними ничего не случилось. Но это было невозможно. Они были далеко друг от друга. Их разделяли тысячи километров друг от друга. И Вероника, смотря вдаль, могла лишь надеяться на то, что грозовой фронт прошел их стороной, а если нет то, они пролетели его без последствий. Вероника выпив еще один стакан кефира, долго смотрела вдаль. В нем она увидела кошмар.

Кошмар Вероники

Там, вдали, сквозь дождь, сквозь сплошной щит, льющийся из неба на землю, там, вдали, она видела как после разряда молнии, и удара грома, в дожде появился самолет. Его очертание, летучего корабля. Он летел спокойно, но вот, удар разящей молнии поразил его. Он загорелся. Огонь полыхал в двигателе и в хвосте. Самолет трясло, бросало из стороны в сторону. Он пытался избежать еще одного удара молнии, и стал снижаться. Вынужденная посадка. Чем ближе земля, тем усиливались перегрузки. Вовремя посадки одно из задних шасси не вошло совсем, второе вышло на четверть. Лишь переднее шасси вышло как положено. Скорость. Ручное управление. Сброс скорости, падение. Самолет коснулся полосы аэропорта, и сел на хвост. Реверс, хвост взорвался. Самолет разорвало надвое. Хвост самолета полетел назад, а передняя сторона охваченная пламенем все еще скользила по взлетной полосе. Тормоз. Искры. Взрыв крыльев и их падение. Тормоз. Вот конец. Остановка, и машины. Пожарная команда. Молния удара в землю, и удар грома. Сквозь дождь она видела это. Ужасный тот пожар. Падение самолета и его смерть. Все. Это конец. Спасенье вовсе нет. Лишь надежда на то, что случилась чудо, и пассажиры и экипаж остался жив. Но это только призрачная надежда и ничего боле. В этом аду возможно никто не выжил. Кто знает?

Все. Конец. Ведение пропало. Страх вошел в сердце, и ужас вместе с ним. Вероника перекрестившись, испугалась. Ее лицо побелело. Оно стало холодным. Ужас и кошмар ощутила она. Войдя в комнату с балкона, она пробежала по комнате. Она не знала куда она шла. Ее ноги несли ее по комнате не зная когда он остановиться. В ее сердце была тревога. Она ощущала его всеми фибрами своего женского существование. Вот ее ноги принесли ее к дивану, и она со всей быстротой плюхнулась в него. Она не знала куда себя деть. Она понимала, что это ведение не что иное, как кошмар. Кошмар наяву, да и только. Теперь она только молилась ободном, чтоб этот кошмар, который она видела не сбывся бы. Она успокаивала себя, что все то что она видела не сбудется никогда! Это всего лишь ведение. Одно ведение из возможных вариантов которое может произойти в эту погоду. Она успокаивала себя на той мысли, что этот кошмар возник в ее мозгу только из-за того, что она все эти последнее дни была с Марией и ее семьей.

И эта близость, и также разыгравшиеся погода, дала ей импульс к тревоге, и она увидела то, что могло произойти с самолетом, в котором летела Мария со своей семьей.

– Это только кошмар, да и только. – Убеждала снова и снова Вероника сама себя. – Это только кошмар, да и только. Мария сейчас летит в самолете, в Америку. Она скоро будет там. Самолет приземлится в аэропорту, и там ее встретят. – тут она неожиданно испугалась. – А если это не так? Что если это ведение пророческое? Что если самолет все же потерпел авиакатастрофу, и все погибли. А то что я видела, это отголосок той катастрофы которая произошла или произойдет в ближайшем бедующем? – Поймав себя на этой мысли, Вероника встала с дивана, и подойдя к телевизору включив его. Первая программа, вести. Вероника села на диван, и затаив дыхание стала смотреть «вести», первого канала. В них диктор говорила, что погода пришедшая в Россию с запада продержаться в Москве два – три дня. Еще диктор говорил, что все рейсы авиасообщения отложены на неопределенное время. Также она сказала, что Все воздушные рейсы находящиеся сейчас в воздушном пространстве находятся под неусыпным наблюдением российского авиадиспетчерского наблюдения. Затем она взяла со стола только что принесенную ей бумагу с последними известиями, и та взяв ее, прочла следующее сообщение: – Сейчас поступила нам трагическое сообщение. Рейс № 678; Москва – Лос-Анджелес исчез с радаров авиадиспетчеров. Последняя связь с самолетом была час тому назад. С тех пор связь с бортом № 678 пропал.

Вероника с ужасом подумала:

– Это тот самый самолет на котором летела Мария. – у нее перехватила дыхание. – Боже мой! – подумала она. – Да что же это такое, черт Вас возьми! – затем она сказала словно ругая кого-то. – Что же это такое! Мария нуждалась в операции, ей еще жить да жить! А ее дочь даже жить та еще не начала! А Петр? В чем он та виноват? В том что любил свою жену? – затем она воскликнула. – Где же ты, Бог? Почему ты так несправедлив! Они же только хотели жить по-человечески, и все. Нет. Это тебе не по нраву! Ты хочешь чтобы все страдали, а жизни не видели, лишь одни мучения. – она была в истерике. Она не могла поверить в то, что Марии больше нет. – Этого не может быть! – не верила она услышанному. – Я в это не верю. – Русский авиапарк. – стала она находить виноватых в этой трагедии. – Русские самолеты – это гроб, и боле ничего. А их работа авиаслужбы? – она сделав паузу, харкнула. – Это гробовщики. – затем она оскалив зубы, воскликнула. – **НЕНАВИЖУ!!!** – а затем добавила. – **УБЛЮДКИ, СВОЛОЧИ, УБИЙЦЫ.** Больше слов не подберешь.

В это самое время раздался телефонный звонок. Вероника встав с дивана, подошла к стоящему на одном из столиков стационарному телефону, сняла трубку, и приложив ее к уху, сказала:

– Алло.

– Вероника Васильевна, Это Вадим Николаевич. Я Вас не побеспокоил?

– Здравствуйте Вадим Николаевич. – ответила приходя в себя Вероника. – Вы меня не отвлекли.

– Хорошо. – ответил он, затем спросил. – Вы смотрите телевизор?

– Да. – ответила Вероника посмотрев на экран телевизора в котором были показаны вести. – Смотрю.

– Что именно?

– Вести. – ответила Вероника понимая что хочет сказать ей он.

– Значит Вы слышали о рейсе № 678?

– Да. – однозначно ответила она. – Слышала.

– Вы закончили статью о наркотиках, сейчас у Вас есть еще работа?

– Нет.

– Тогда Вам задание. «Напишите статью об этом рейсе», – сказав это, он добавил. Напишите статью о том, что заведомо зная об испортившийся погоде, самолеты все же покинули

территорию аэропорта. – затем он добавил. – Это халатность не только аэропорта, но и метеорологов. Раскрутите эту тему.

– Хорошо. – ответила Вероника. – Если самолет не подаст признаки жизни, то я напишу хорошую статью, а так, только о метеослужбе ее халатности.

– Но метеослужба гидрометцентра и метеослужба аэропорта, это две разные службы, хотя из одной организации.

– Вы хотите чтобы я написала про метеослужбу аэропорта?

– Совершенно верно.

– Хорошо. – ответила Вероника, завтра займусь.

– Завтра? – удивился Вадим Николаевич. – Завтра статья должна лежать утром у меня на столе. – затем он сказал. – Вы должны сегодня написать статью о метеослужбе аэропорта.

Вероника посмотрела на окно. Она увидела, что дождь не прекратился. Он лил как из ведра. Казалось, что небеса прорвались. Дождь лил и не собирался прекращаться.

– Я не могу ехать в аэропорт.

– Почему?

– Вы смотрели в окно?

– Дождь, – равнодушно сказал Вадим Николаевич. – и что?

– На улице даже собаки нет. Ливень сплошной. Разве это недостаточная причина. Да и вечереет. Кто знает, что может произойти на дороге?

В телефонную трубку Вадим Николаевич помолчал. Вероника почувствовала его дыхание. Оно было неровным, казалось что он был недоволен.

– Вы правы. – наконец услышала она его голос. – С этой работой я иногда забываю что репортеры тоже люди. Хорошо. – продолжил он. – Сенсации может и не будет, но статья должна быть завтра у меня на столе. Сочините что хотите, лишь бы правдиво.

– Я когда-нибудь Вас подводила?

– Нет.

– Тогда до завтра.

– Нет, сегодня. – возразил он. – Статья должна выйти с завтрашним утренним номером.

– Хорошо. – ответила Вероника. – Через час статья будет.

– Жду. – В телефонной трубке раздались длинные гудки.

Вероника положила телефонную трубку на телефонный аппарат, и подошла к окну которое вело на балкон. Она закрыв окно, и балконную дверь посмотрела вдаль. Там, вдали, она увидела как где-то за московскими домами сверкнула молния. Она была свирепой и ужасной. На секунду Вероники показалось, что ее небеса сфотографировали. Кто-то обратил на нее свой незримый взор, словно предупреждая ее о том, чтоб она была осторожней. А вот и грозный дедушка-гром, ударил после сверкнувший молнии. Он словно был недоволен. Казалось, что это был чей-то кулак. Кулак ударивший по земле, и раскатив удар по всей земле, чтобы его можно было услышать в самых отдаленных местах Российской глубинки.

– Эта погода? – размышляла Вероника. – Дождь льет как из ведра! Словно небеса прогневались на нас. Страшно. Страшно, когда в такую погоду нечем дышать. Душно. Сердцу нечем дышать. Его окружает какой-то вакуум. Он взял сердце в тески, и не отпускает его. Мне нечем дышать. Душно. Надо открыть все же окно. Пусть воздух входит в квартиру. Ведь без воздуха человек не сможет жить. H_2O , водород и кислород. Лишь эти два элемента позволяют нам жить. Жить, работать, спать. Да, работа. Сложно работать в таких условиях, когда ни то что работать, дышать трудно. – она подошла к своему компьютеру, и сев на стул, на свое рабочее место, включив компьютер, она положила пальцы на клавиатуру, и начала что-то писать. Она писала быстро, но недостаточно. Сейчас, когда на улице лил сплошной ливень, Вероника не могла работать в полную силу. Она работала как могла. Старалась писать быстро, и это у нее получалась. Вскоре она сочинила следующее:

«Сегодня, ЧЧ/ММ/ГГГГ. Самолет вылетевший из аэропорта Шереметьево 2. Номер рейса 678; выполняющий маршрут Москва – Лос-Анджелес исчез с экранов радаров.

При предварительным данных он потерпел крушение. Он загорелся из-за попавший в его мотор разряд молнии. Судьба экипажа и пассажиров самолета неясна».

Она хотела написать весь тот ужас, который она видела в своем ведении, но не могла. Не имела права писать такое. Ведь репортеры должны не сочинять свои статьи, а писать их исходя из неопровержимых доказательств. Жаль, что порой репортеры пишут то, что им диктуют, а ни то что происходит в действительности.

Вероника все же решила добавить в эту историю свое видение этой трагедии. Она написала следующее:

«Я стояла на балконе. На улице лил дождь как из ведра. И вот я вдруг увидела то, что возможно оказалось правдой. Эта история моего одного предчувствие. Она может быть реальной в том случае, если она подтвердится. Сейчас же я не знаю, была ли она реальна или нет. Я пишу ее так, как видела ее на самом деле.

Итак, как я уже написала, Я стояла на балконе. На улице лил дождь как из ведра. И вот я вдруг увидела... вдали, сквозь дождь, сквозь сплошной щит, льющийся из неба на землю, там, вдали, она видела, как после разряда молнии, и удара грома, в дожде появился самолет. Его очертание, летучего корабля. Он летел спокойно, но вот, удар разящей молнии поразил его. Он загорелся. Огонь полыхал в двигателе и в хвосте. Самолет трясло, бросало из стороны в сторону. Он пытался избежать еще одного удара молнии, и стал снижаться. Вынужденная посадка. Чем ближе земля, тем усиливались перегрузки. Вовремя посадки одно из задних шасси не вошло совсем, второе вышло на четверть. Лишь переднее шасси вышло как положено. Скорость. Ручное управление. Сброс скорости, падение. Самолет коснулся полосы аэропорта, и сел на хвост. Реверс, хвост взорвался. Самолет разорвало надвое. Хвост самолета полетел назад, а передняя сторона охваченная пламенем все еще скользила по взлетной полосе. Тормоз. Искры. Взрыв крыльев и их падение. Тормоз. Вот конец. Остановка, и машины. Пожарная команда. Молния удара в землю, и удар грома. Сквозь дождь она видала это. Ужасный тот пожар. Падение самолета и его смерть. Все. Это конец. Спасенье вовсе нет. Лишь надежда на то, что случилась чудо, и пассажиры и экипаж остался жив. Но это только призрачная надежда и ничего боле. В этом аду возможно никто не выжил. Кто знает?»

Закончив статью, Вероника отправила ее Вадиму Николаевичу, а сама отключив компьютер, села в мягкий диван, и стала смотреть телевизор. Переключая каналы, Вероника не находила себе место. Она сейчас бы отдала все, чтобы ее подруга осталась жива. Чтобы это видение было неправдой. Сейчас, поняв что переключая каналы телевизора она остановилась на первом канале вещание телеканалов. Там, сейчас должны сказать, нет, они обязаны сказать что-нибудь о рейсе № 678. Но нет. Ничего. Гробовая тишина. Как будто бы его не было вовсе. Она не понимала, почему они молчат? Почему ничего не говорят про рейс № 678? Может быть они что-то скрывают? Но что? Этого она не знала. Но вот, что-то сказали про рейс № 678, но ничего нового. Только то, что они не могут с ним связаться. Сказали, что они организовали поисковую операцию, но они не могут вылететь. Погодные условия не позволяют вылететь на поиск. Да уже темнело. Мы – люди привыкли тянуть резину, не рисковать. Наш девиз: если

нужна помощь, то мы поможем не торопя. Если человеку не помочь, то и рисковать не стоит, а если человеку суждено выжить, то он и неделю может подождать, все равно жив будет.

Этот девиз мы изучили, и подчиняемся ему. Так как мы знаем, что если какая-либо произойдет катастрофа, то можно не торопиться. Ведь катастрофа ее последствий всегда одна и та же – смерть. А если не смерть, то страдание. И лишь выжившие, которым повезло всегда ждут помощи, а она никогда не приходит в полной мере этого слова. Всегда запаздывает. А когда приходит то те кто выжил но был ранен – умер, и остались только те, кого и спасти вряд ли спасешь. На ладом дышат, вот-вот умрут. Вот и получается, что мы только спасаем на словах и на бумаги, а как доходит до дела, в кусты. Исключение конечно есть, это лишь правительственные катастрофы, те, о которых умолчать нельзя.

Сейчас нельзя было скрыть эту катастрофу, но сославшись на погоду отложить поиск можно. И это было не шутка. Дождь лил как из ведра, и не хотел прекращаться.

– Дьявол. – выругнулась Вероника проклиная такую погоду. – Да когда же этот дождь кончиться, черт его побери! – она не знала, когда этот дождь кончится. Она встала с дивана, и подойдя к окну, распахнула форточку, а затем окно, а затем крикнула что было сил. – Этот ливень не может продолжаться вечно! Ты уже сделал свое дело, не позволил Марии и ее семье улететь из этой страны. Так что же еще тебе надо? Хватит. Прекратись. Я приказываю тебе, перестань литься на землю. Пусть спасатели найдут этот самолет.

Не успев это сказать, чуть ли не возле ее дома сверкнула грозная молния, и разверзся гром. Он показался Веронике грозным и жестоким. А молния словно сказала ей, чтобы ей не указывали. Веронику охватил ужасающий страх, и ужас. Она в эту секунду испугалась саму себя, Ее сердце подпрыгнув, съежилось от испуга, и в ее тело вошел страх. Страх и ужас небесных повелителей стихий. Они словно упрекали ее за то, что она приказывает им, что надо делать. Она говорила, что они не нужны, на этой планете, от них одно горе и разочарования. Но разве они в этом виноваты? Ведь они только делают свое дело, и только. В том что произошло с самолетом их вены нет. Это вина диспетчеров аэропорта и его метеослужбы. Это они не должны были в такую погоду разрешать взлет самолетам. Но они решили все спустить на русский авось, и вот результат. Самолет исчез, возможно разбился, а им хоть бы что? Лишь бы ничего не делать, а деньги получать. Хотя пардон, русские люди в своей глупости пошли дальше, они хотят вкалывать как прокляты, и получать за это деньги. Нечета американцем. Они хотят больше получать, а работать меньше. Ну и кто скажет, что русский умный? Ну ладно, вернемся к Веронике. Что сейчас с ней происходит? Во время очередного разряда молнии, и удара грома, Веронику словно отбросила от окна. Она упала на пол, прямо на спину, и в тот же миг ощутила как ее тело ощутила боль, когда она ударилась правом боком о полы. Тогда она подумала, что мало ей чужих проблем, как все обрушивается на нее. Тут она сказала сама себе, что она дурно поступила ругая небеса за те горести и несчастья обрушившиеся сейчас на нее. Конечно, она не имела права кричать на небеса. На молнию и на гром. Они как уже было написано, не виноваты в разыгравшийся в небе трагедии. Это виноваты сотрудники аэропорта. Их надо привлечь к ответственности, а не небеса. Вероника как могла поднялась с пола, и плюхнувшись на диван, расслабилась. Она посмотрела в окно, за которым лил дождь, и тихо вздохнув, словно ругая саму себя сказала:

– Вот поганый характер. Что я взъелась на погоду? Что, она что ли виновата в этой трагедии? – она посмотрела на свой бок, и дотронувшись до него, ощутила невыносимую боль. Ей показалось что у нее сломано ребро. Но вот она ощутила и вторую боль. Боль в области правой кисти руки. Она дотронулась до нее и вскрикнула. Да, это точно. Кисть руки была сломана.

– Черт побери! – воскликнула она словно сама себя в чем-то упрекая. – Да что же это делается та? Как я буду теперь писать? – тут она хотела откинуть выражение в адрес погоды, но не успела она этого сделать, как за окном ударил раскат грома, словно предупреждая ее о том, что не стоит гневить погоду, она и отомстить может. – Черт побери мой длинный язык без

костей! – ругала она сама себя, и ощутив боль в правой руке в области кисти, она расстроена добавила. – Как болит. – В это самое время в дверной звонок позвонили. Раздалась песнь соловья. По крайней мере ей так показалось. – Кто еще там? – проворчала Вероника. – Кому в такую погоду дома не сидится? – она встала с дивана, и поковыляла к входной двери. Она шла тихим шагом. Ее все тело ныло от боли. Ей ни то что трудно было передвигаться, ей вообще было невыносимо трудно ковылять. Боль в правом боку усиливалась с каждым шагом, а кисть правой руки ныла. Но вот и все. Вероника с трудом доковыляв до входной двери посмотрела нажала кнопку на видеодомофоне, и на его экране она увидела, мужчину. Она тотчас же его узнала. Это был Эдвард. Вероника пробурчала. – Что ему дома-то не сидится? – она открыла с трудом входную дверь, и спросила. – Какая нужда Вас привела ко мне в такую погоду?

– Я услышал грохот, и подумал что Вам нужна моя помощь.

– Помощь? – удивилась Вероника. Она почему-то подумала в эту секунду, что Эдвард приходит к ней уже второй раз. Первый раз, когда Марии стало плохо, а второй, сейчас, когда она сломала себе кисть руки, и ударила бок. Она сказала с явной иронией, и насмешкой над собой. – Вы – Эдвард, приходите ко мне в ту самую минуту, когда в моей квартире что-то случается.

Эдвард не понял:

– Это Вы о чем сейчас? – в эту самую минуту Вероника покачнулась, и упала на Эдварда. Тот миглом среагировав поймал Веронику, и поняв, что она потеряла сознание, втащил ее в квартиру, и положив на диван, пошел закрывать входную дверь. Затем он вернулся к Веронике, и посмотрев на ее состояние вызвал скорую помощь. – «Та приедет нескоро». – подумал он, и оказался прав. В такой дождь никто не собирался ехать к пациентке. Все сидели в своем уютном помещении, и ждали когда кончиться этот дождь. Но все же Вызов – это вызов, и врачи дежурной скорой помощи выехали на вызов. И хоть на улице никого и ничего не было, только лужи на асфальте, водитель скорой помощи не хотел рисковать, и ехал со скоростью меньше черепахи. И пока они едут, давайте посмотрим, что происходит сейчас в квартире Веронике? Эдвард, приведя Веронику в чувства, спросил. – Что произошло? – он хотел закрыть окно, но Вероника попросила его не закрывать, оставить его полуоткрытым. Что Эдвард и сделал. – Сегодня погодка! – заметил он. – Льет как из ведра.

– Да уж? – согласилась Вероника. – Погодка.

Эдвард спросил:

– Что же произошло?

– Ничего такого чтобы не могло меня обрадовать. – спокойно ответила Вероника. – Просто я упала, ударила правый бок, и кажется сломала кисть руки. – ответила она с долей иронией. – А так все в порядке.

Эдвард посмотрел ее кисть, и увидев большой синяк на запястье, сказал:

– Этот синяк возможно и является причиной боли.

Он попросил Веронику пошевелить кистью руки, и та с трудом сделала какое-то движение, а затем сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.